ВЛАДИСЛАВ КОНДРАТЬЕВ

“РИГВЕДА” (ऋग्वेद/ṚGVEDA) И СЛАВЯНЕ
(“РИГВЕДА” КАК ПАМЯТНИК, ФИКСИРУЮЩИЙ ДРЕВНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОНИМОВ)

सत्यमेव जयते

ВВЕДЕНИЕ
(ОБОСНОВАНИЕ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ещё в XIX веке некоторыми добросовестными исследователями, изучавшими историю России, ставился вопрос: отчего её история, особенно древняя, выглядит столь неприглядно бедной?[1] Тот факт, что российское высшее (университетское) образование в XVIII веке копировало западноевропейское образование, преподавание принципиально не велось на русском языке (“учёные” немцы полагали, что славянские языки, в том числе и русский язык, в принципе непригодны для целей высшего образования как языки народов отсталых и неспособных к какой бы то ни было умственной деятельности; например академик Петербургской Академии наук Готлиб Зигфрид Байер**,** нем. *Gottlieb Siegfried Bayer*, не только не знал русский язык, но считал необязательным его знание, хотя и занимался русскими древностями), долгое время находилось в ведении иностранцев (академик Готлиб Зигфрид Байер; Иоганн Даниэль Шумахер, нем. *Johann Daniel Schumacher*; Лаврентий Блюментрост, нем. *Laurentis Blumentrost* – первый президент Академии наук и художеств; барон Иоганн Альбрехт фон Корф – второй президент Академии наук; академики русской истории: Герхард Фридрих Миллер, *Gerhard Friedrich Müller*, Август Людвиг Шлёцер, нем. *August Ludwig (von) Schlözer* и др.) – заставил поставить вопрос о пристрасности иностранцев в деле изучения русской истории.

Однако постановка вопроса в таком свете долгое время считалось проявлением “антинорманизма” в русской исторической науке (что позволяло норманистам демагогически парировать научную критику скандинавоманских сочинений: какая, де, корысть была этническим немцам выдвигать скандинавскую “теорию” происхождения Русского государства, если, дескать, это не так? Они бы выдвинули немецкую “теорию”. Они, правда, и выдвинули: ещё в начале XIX в. Ф. Крузе обосновал немецкую теорию проис-

[1] См., например: Классен Е. И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов дорюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып.1-3. С приложением “Описания памятников, объясняющих славяно-русскую историю, составленную Фадеем Воланским и переведённую Е. Классеном”. М., 1854. [Репринтное переиздание. СПб., 1995.]

хождения Рюрика и его руссов[2]). Однако, сама скандинавская “теория” происхождения Русского государства, как оказалось, дело рук именно скандинавов (шведов)[3]: “<…> разработка варяго-русского вопроса имеет более длинную историю, чем это принято <…> считать, и начало ей было положено в 1615 г. в Швеции. Первый историографический обзор (с определёнными, конечно, оговорками) по данной теме тоже относится к XVII веку. И связан он с именем шведского историка О. Рудбека, который в 1689 г., отстаивая шведское происхождение варягов и киевской княжеской династии, привёл мнение С. Герберштейна, А. Гваньини, П. Одерборна, указывающих в качестве местожительства варягов Южную Балтику[4”,5]. Справедливости ради отметим, что сам фрайер (именно так звучит титул *барон* в немецком – от *Frei* “*свободный*” и *Herr* “*господин*”) Герберштейн (нем. *Siegmund Freiherr von Herberstein*) был скорее антинорманистом, во всяком случае он считал, что варяги – народ единоплеменный русским (славянам). Как отмечает В. В. Фомин, немец Г. З. Байер не создавал норманнскую “теорию”, он лишь поддержал её своим академическим авторитетом[6]: “А. А. Куник, отрицая за Байером титул родоначальника норманизма, “первым норманистом” признавал шведа Петра Петрея де Ерлезунда, который, по его словам, “довольно неудачно” заявил о себе в этом качестве в 1615 году[7]. <…> самым знаменитым его трудом является “История великого княжества Московского”, опубликованная в 1614 – 1625 г.”[8], – где и изложены основы норманнской “теории”.

Довольно интересно, что, как бы защищая Г. З. Байера от “обвинений ” в норманизме, польский историк Х. Ловмяньский (Г. Ловмяньский) писал, будто тот не был норманистом: “Первые научные основы норманнской проблемы пытался заложить член Петербургской Академии наук Г. С. Байер <…>. В своей самой первой статье он указывал на скандинавское происхождение варягов и таких имён, как Рюрик и другие, приведённых в летописи[9]; однако он не был норманистом. В другой статье он объяснял истоки Руси и признавал, что название *русы* применялось и к шведам, но утверждал в то же время: non a Scandinavis datum est Rossis nomen («россы восприняли своё название не от скандинавов»)[10”.[11] Получается (и Х. Ловмяньский это признаёт), что именно происхождение самого этнонима *русь* определяет происхождение и Русского государства, а, следовательно, признание этого этнонима

---

[2] См.: Крузе Ф. Руссы в Германии до переселения народов или вскоре после того // Журнал министерства народного просвещения. 1842. Ч. IX.
[3] См.: Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 20005. С.5 и сл.
[4] Rudbeck O. Atlantica sive Manheim. T. III. Upsale, 1698. P. 184 – 185. – Прим. В. В. Фомина.
[5] Фомин В. В. Указ. соч. С. 5.
[6] См.: Там же. С. 17 и сл.
[7] См.: Куник А. А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 031. – Прим. В. В. Фомина
[8] Фомин В. В. Там же. С. 17 – 18.
[9] Bayer S. T (heophilius-Gottlieb). De Varagis. – Commentarii Academiae Scientarum imperialis Petropolitanae, t. 4. Petropoli, 1735, p. 275 – 211. – Прим. Х. Ловмяньского.
[10] Bayer T. S. Origines Russicae. – Ibid., t. 7/8, 1741, p. 388 – 436. Эта работа была опубликована посмертно. – Прим. Х. Ловмяньского
[11] Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 60.

скандинавским по происхождению или нескандинавским, определяет, является ли тот или иной историк норманистом или нет. Сами же норманисты это яростно отрицают, утверждая: признание происхождения этнонима ещё ни о чём не говорит, поверьте нам (коль скоро у нас нет доказательств, то поверьте в это как в откровение), что *русь* – скандинавского происхождения, о большем мы уж вас и не просим…

Печально знаменитая норманнская "теория" происхождения Русского государства и порождённый ею спор норманистов и учёных, твёрдо стоящих на принципах научной добросовестности и отстаивающих научный, а не идеологический подход к изучению генезиса Русского государства, могут привести к ошибочной мысли, что этот спор носил только научный характер. Увы, с самого своего зарождения норманизм был не только априорным: «норманска теорија је у само ствари била априорна»[12], что и отметил В. В. Фомин[13], но и имел идеологическую составляющую, которая и определила остроту спора.

В последнее время цикл работ Л. Грот, посвящённых "рудбекианству" и "готицизму" как националистическим проявлениям скандинавской мысли, обслуживающих политические амбиции скандинавских государств в бассейне Балтийского моря (и за его пределами), позволил с новых позиций взглянуть на старую (можно сказать – застарелую, как болезнь) проблему навязывания научной мысли постулата о примате скандинавов в генезисе Русского государства[14].

Нужно ли удивляться, что славянам практически "не осталось места в истории." Принцип норманистского взгляда на историю славян состоит не только в том, что славянам "отказано в признании древности", но, даже, и в попытках вести научный поиск в этом направлении; он является для некоторых деятелей исторической науки категорическим императивом (посильнее категорического императива Иммануила Канта, нем. *Immanuel Kant*): "Важнейшим аспектом в исследовании славянского этногенеза следует признать методические ограничения <…> самоограничительная установка историков, основанная на фиксации самоназвания славян …. представляется совершенно необходимой, в том числе и для того, чтобы искать праславян до VI в. [нашей эры. – В. К.]. Именно самоназвание является определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самосознания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности"[15]. Другой историк, в учебном пособии для вузов, отмечает, что цитированное выше, является "важным принципом, которого следует придерживаться при анализе существующих гипотез [происхождения славян. – В. К.]"[16].

---

[12]Тарановскій Ф. В. Увод у историју словенских права. Београд, 1922. С. 81.
[13] См.: Цит. раб. С. 46.
[14] См.: Грот Л. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. М., 2013; Она же. Прерванная история руссов: Соединяем разделённые эпохи. М., 2013; см. также подборку её статей на сайте pereformat.ru.
[15] Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. Смоленск – М., 1995. С. 9.
[16] Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XVII вв.). М., 2001. С. 27.

Ненаучность *такого* императива настолько очевидна, что даже немного неловко на этом останавливаться. Действительно, возьмём, к примеру историю греческого народа. Применим к нему ограничительный императив, связанный с наличием самоназвания как оределённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самосознания. И что получим? Студенты-историки учат (например, по учебнику под редакцией В. И. Кузищина) про раннеклассовые общества и первые государства на Крите и в Ахейской Греции в конце III тысячелетия и во II тысячелетии до н. э.[17] XI – IV вв. до н. э. – формирование и расцвет греческих полисов и создание классической греческой культуры[18]. А если применить к грекам методические ограничения с определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самосознания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности? Что получится?

Русское слово *грек*, ст.-сл. ГРЬКЪ (*grĭkŭ)[19], заимствовано из лат. языка – graecus, от греч. γραικός: γραῖος[20], этноним греков в этой форме, распространённый в мире, также заимствован именно из латыни, так как предполагается, что этот эпиротский этноним попал в латинский язык, потому что “среди поселенцев в Кумах (Кумы=Кима, колония в Италии) в VIII в. до н. э. была группа из Беотии под названием Graioi. Она входила в число тех первых греков, с которыми познакомились римляне, и впоследствии указанный этноним в латинской форме Graeci был распространён на всех эллинов”[21]. Этноним *эллин* “грек” – из греч. ἕλλην (‘Ελλάς, вин. п. ед. ч. ‘Ελλάδα “Греция”) – позднее заимствование[22].

Предполагается, что самоназвание греков ἕλληνες и страны ‘Ελλάς “происходит, вероятно, от имени одного из древнегреческих племён, обитавших, первоначально в северо-западной Греции. В Ахейском каталоге (документе позднебронзового века) народ Hellenes и другие соседние народы (беотийцы, фокейцы, мирмидоняне, ахейцы и т. д.) помещались в центральной и северной Греции; они занимали в основном холмистые и горные районы. В гомеровских поэмах имя Hellēnes применяется ко всем новым вторгающимся народам для отличия их от предшественников. Это название впоследствие было распространено на все грекоязычные народы”[23].

Встаёт вопрос: а когда именно племенной этноним (неизвестного происхождения и в греческом языке не имеющий прозрачной этимологии: “Этимология названий эллины и Эллада неясна. М. Будимир предполагает, что этноним происходит от формы ‘Σελλοί, а не ‘Ελλοί и связывает имя селлов с лат. solum «земля, почва» и слав. *selo «пашня»”[24] [то есть этноним

---

[17] См.: История Древней Греции. М., 2005. С. 37 – 72.
[18] См.: Там же. С. 73 – 274.
[19] См.: Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. С. 99.
[20] См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004. Т. 1. С. 455.
[21] Агеева Р. А. Там же.
[22] Фасмер М. Цит. раб. Т. 4. С. 517.
[23] Агеева Р. А. Там же.
[24] Там же.

*‘Σελληνες означает …*селяне*. – В. К.].) ʽέλληνες *эллины* стал общим названием грекоговорящих племён?

Ответ: “«Паросский мрамор» даёт третье в хронологической последовательности упоминание этнонима «граики» (ранее — Гесиод, фрагменты 3, 5 по изданию Р. Меркельбаха – М. Уэста; и Аристотель. «Метеорология», I, 14), выступающего в совершенно ином историческом контексте. Примечательно, что этот памятник отождествляет имя небольшого племени – «граиков», которое впервые стало употребляться в качестве названия всего народа лишь у римлян и никогда не было воспринято греческим языком, с этнонимом «эллины», являющимся самоназванием греков примерно с эпохи греко-персидских войн и вплоть до настоящего времени. Первоначально «эллинами» называлось племя, обитавшее во Фтии (вероятно, другое её название – Эллада) – одном из четырёх основных районов (тетрад) Фессалии, находившемся под властью гомеровского Ахилла ("Илиада", II, 683-684; IX, 478-479; «Одиссея», XI, 496; Страбон, IX, 431, 32)”[25].

Итак, самоназвание греков (неизвестной этимологии) ʽέλληνες стало употребляться с примерно с эпохи греко-персидских войн, то есть, по “логике” норманистов, *важнейшим аспектом в исследовании греческого этногенеза следует признать методические ограничения <…> самоограничительная установка историков, основанная на фиксации самоназвания греков – ʽέλληνες …. представляется совершенно необходимой, в том числе и для того, чтобы искать греков ʽέλληνες до эпохи греко-персидских войн. Именно самоназвание является определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самсознания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности,* потому что это является *важным принципом, которого следует придерживаться при анализе существующих гипотез происхождения греков.* Следовательно, по этой “логике”, никаких греческих древностей до эпохи греко-персидских войн нет и быть не может. И иного не дано. В противном случае мы будем иметь политику *двойных стандартов* в исторической науке: для исследований древностей славян самоограничительный принцип действует, а для других народов – нет. Но это уже не наука, а идеология самого худшего свойства.

Но и это ещё не всё. Мало того, что этноним ʽέλληνες как самоназвание утвердился в середине I тыс. до н. э., как бы отсекая историю греков с конца III тыс. до н. э. и до эпохи греко-персидских войн, так ещё он так и не вышел за пределы собственно эллинского мира, следовательно, всё по той же норманистской “логике”, никаких греков как этноса с его достижениями (о которых здесь нет нужды подробно говорить) до сего дня не существует. Действительно, наименование греков в языках других народов восходят или именно к лат. Graeci *греки* и Graecia *Греция*: укр. гріки; англ. Greek; нем. Grieche; фр. Grec тыс. до н. э.[26], – или к имени римлян: азерб. рум; тур. урум[27], – или к другим источникам: арм. куин; груз. бердзени[28].

---

[25] Цит. по: Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991. С.
[26] См.: Агеева Р. А. Цит. раб. С. 95

Столь же печальна (если и к ним применить самоограничительный метод норманистов) судьба так называемых германских народов. Действительно, ведь “лат. Germania – слово неизвестой этимологии, по-видимому, кельтского или иллирийского происхождения. Название германцы употребляется и в более широком смысле: для обозначения всех древних германских племён”[29].

Получается, что не существует собственно немецкого этнонима, обозначающего всю совокупность немцев и родственных им (по языку) народов: собственно немцев, австрийцев, немецкоязычных швейцарцев, нидерландцев=голландцев, англичан, шведов, норвежцев, датчан, исландцев, фарерцев.

Это означает, что не только не существовало никаких “древних германцев”, но и в современном мире такой группы народов тоже нет, ведь у них не существует и в XXI в. общее самоназвание, а теперь уже и не появится. Самое худшее, по норманистской “логике”, положение дел у немцев. Действительно, самоназвание немцев Der Deutsch, Die Deutsch, Die Deutschen (*немец, немка, немцы*) за пределами собственно немецкого мира не употребляются как название немцев. Так, в языках некоторых народов мы имеем: англ. German; фр. Allemand; ит. Tedesco; исп. Tudesco; порт. Alemão; польс. Niemiec; чеш. Nemec; рум. german, neamt; швед. Tysken; дат. Tysker; фин. Saksalainen; венг. Német; эст. Sakslane; латыш. vācietis; лит. vokietis[30] и т. д. Не меняет дело тот факт, что существует голл. Duitser *немец*[31], потому что сами нидерландцы (голландцы) являются частью этого же этнического массива.

Имеется, правда, один, родственный же немцам по языку народ, который использует производный от немецкого Der Deutsch этноним Dutch. Это аегличане, но у них он означает вовсе не немцев (то есть Die Deutschen), а голландцев. То есть за пределами собственно немецкого мира немецкие этнонимы не засвидетельствованы.

Стоит отметить, что говоря о такой славянской нации как русские, принято утверждать, что самый известный славянский этноним – всего лишь прилагательное, а не существительное. Цель ясна: другие народы по этнонимам (существительным) – существуют, а русские, коль их этноним всего-то прилагательное, как бы и не существуют, как бы приложение к истории других народов… В действительности – это не так: *русские* – имя существительное (субстантивированное прилагательное), а вот “самоназвание немцев deutsch восходит к слову <…> theudo «племя, народ», от которого в VII – VIII вв. образовалось притяжательное прилагателоьное theudisca”[32]. Более того. Несмотря даже на артикли Der и Die в современных словах, обозначающих немцев, эти слова изменяются в немецком языке по правилам имени прилага-

---

[27] См.: Там же.
[28] См.: Там же.
[29] Там же. С. 233.
[30] См.: Там же. С. 229.
[31] См.: Там же.
[32] Там же. С. 232.

тельного, а не имени существительного. Но никому же не придёт в голову утверждать, что немцы не народ, а *всего лишь* ***приложение***. Такая же картина и с англичанами: *Englishmen, English people*. Нетрудно заметить, что компонент этнонима *English* предстоит словам *-men, people*. При этом любое имя, поставленное перед другим именем (существительным) становится прилагательным.

А многие ли слышали о народе по имени zhōngguórén *джунгвожень*? И что? Нет такого народа? А ведь zhōngguórén *джунгвожень* более … полутора **миллиардов** человек!

И список народов, не только в древности которых можно усомниться, но и вовсе отказать в существовании, если использовать печально знаменитый *самоограничительный принцип*, который применчется исключительно к славянам, можно ещё очень долго продолжать.

И всё же не *немцы*, а националистически настроенные представители от науки повинны в том, что в отношении исследований *славянских древностей* ещё очень силён антинаучный произвол. Очевидно, что такое положение дел нетерпимо. “Давно, – пишет Н. Р. Гусева, – следовало бы изъять из программ научных исследований дискуссии о том, что славяне как этнический массив возникли не то на рубеже нашей эры, не то даже в первых её веках, что часто встречается и сейчас на страницах некоторых книг и статей”[33]. и даже “ некоторые западные учёные тоже стали говорить о древности славянских племён. Так, венгерский исследователь Я. Харматта <…> констатировал наличие сложившейся общности протославян” в первой половине “5-го тысячелетия до н. э.”[34] Так что не национальность определяет научный вес исследователя и ценность его разысканий, а научная честность и принципиальность при наличии соответствующей подготовки.

Самое удивительное в рассматриваемой теме то, что утверждение норманистов, будто славяне неизвестны под собственным именем по памятникам древности ранее первой половины I тыс. н. э., опровергается фактическими данными. Но прежде рассмотрим, как к настоящему времени было этимологизировано самоназвание славян. Несмотря на кажущуюся простоту объяснения, здесь есть подводные камни, о чём и пойдёт речь.

---

[33] Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М., 2002. С. 24 – 25.
[34] Там же. С. 26.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИЯ ЭТНОНИМА *СЛАВЯНЕ*

Проблема этимологизирования самоназвания славян так же несвободна от идеологических шор, хотя не все норманисты одинаково неразборчивы в своих филологических построениях. Но обо всём по порядку.

Общим самоназванием славян является: **славянин**, мн. **славяне**, др.-рус. *словѣне*[35], этот этноним известен и как название вост.-слав. племени вокруг Новгорода[36]. Старославянскоя форма – словне, словѣньскъ (в отношении к слав. племени близ Салоник)[37]. Следует пояснить, что встречающаяся в литературе транслитерация этнонима *словѣне* (словѣне) как *словене* неверна, так как буква *ѣ (ять)*, существовавшаяся в русской азбуке до её отмены в начале XX в. и читавшаяся как [е], исторически имела другое звучание – как звук *я*, но без йотации, то есть смягчала предыдущий ей согласный (но не йотировала его), поэтому *словѣне* следует читать как слов***я***не. Нет нужды говорить, что объяснение: слово *словяне* производно от слова *слово,* – первое, какое приходит на ум. Оно является, что и понятно, древнейшим объяснением и именно оно считается ненаучным (примером так называемой вульгарной, то есть народной этимологии), что и отмечает М. Фасмер: “Праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ср.-лат. Sclaveni «славяне» <…> ср.-греч. Σθλαβηνοί (мн.) <…> Не имеет ничего общего со *slava «слава» <…>”[38]. А так как “русск. -*янин* по аналогии *римлянин, галичанин* и др. <…> *slověne не может быть (несмотря на аналогию алб. shkipetár «албанцы»: shkipónj «понимаю») образовано от *слово*, так как -ěninъ, -aninъ встречаются только в производных от названий мест <…>, однако мест. н. *Slovy <…> не засвидетельствовано. Скорее всего это производное от гидронима. Ср. др.-русск. *Словутич* – эпитет Днепра <…>, *Слуя* – приток Вазузы в [бывш.] Смол. губ., сюда же польск. названия рек Sława, Sławica, сербохорв. Славница и др. <…>”[39]. Получается, что этноним *slověne –> словѣне –> славяне от слов *слово* и *слава* не может происходить, а происходит от слов… *слово* и *слава*, но как названий водных объектов. Разница, конечно, *принципиальная*. Впрочем, мнение М. Фасмера о невозможности производства этнонима *словѣне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne) от слова *slava «слава» (и, даже, не имеет с ним ничего общего) разделяется далеко не всеми исследователями даже и на т. н. Западе. Так, К. Г. Мендес полагал, что “славянское *слово* – одно из многих образований от и.-е. *K’lou-/*K’leu-, как в греч κλέος < κλέϝος ‘слух, слава’, санскр. śrū- ‘слышать’, śrūtá- ‘услышанное’=греч. κλῡτός ‘славный’. Если в каких-либо славянских диалектах и существовало племенное имя, отражённое греч. σκλαβ-/σθλαβ-, то оно было образовано, как и возникшее позже *словѣнинъ*, от того же и.-е. корня на ступени продления: *K’lōu-, что, очевидно, в слав. *сла-*

---

[35] См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 664.
[36] См.: Там же.
[37] См.: Там же. С. 664 – 665.
[38] Там же. С. 665.
[39] Там же.

ва < *K'lōu-ā «слава, слух»"[40]. Автор, в примечаниях, не только дискутирует с М. Фасмером, но и указывает на определённую неакадемичность М. Фасмера, игнорирующего многие прмеры из славянской лексики, опровергающие категоричность его построений[41]. А далее – и вовсе ехидное: "Но вдруг всё это уловки учёнообразной народной этимологии, и название славян неславянское и даже неиндоевропейское?"[42] При таком подходе к славянским этимологиям ничего другого и ждать не приходится – ничего у славян не является исконнославянским, и этноним – в первую голову…

Далее, М. Фасмер приводит другие этимологии, указывая, что они сомнительны или и вовсе невозможны, такие как: производные от имён на slav; «молчащие» от готского slawan «молчать, быть немым», gaslawan, anaslawan «умолкать»; от ирландского slúag «толпа, войско»; недопустимо сближение с греч. λᾱός, ион. ληός «народ», или с греч. ἀλωή«гумно, виноградник», атт.ἅλως, диал. ἅλου[43]. Невероятны, по его мнению, эксперименты со словом *слобода*[44]. Поскольку М. Фасмер высказал своё мнение о происхождении этнонима, то и его фраза "О нов.-греч. *σκλάβος* «раб» как новообразовании от *σκλαβηνός* см. Кречмер"[45], – можно понимать так, что сам М. Фасмер эту этимологию не считает правильной. Но прямо он это, тем не менее, не указывает.

Данная "этимология" весьма живуча (является, пожалуй, даже, популярнее, чем пресловутая *теория происхождения русского мата из тюркских языков как следствие монгольского нашествия на Русь в XIII в.*[46]), разгром немецкого (и ему союзного) фашизма (нацизма) вовсе не положил конец для расистских славянофобских (в том числе – русофобских) инсинуаций по даннному вопросу (чему можно найти массу примеров на необъятных просторах *всемирной паутины*, в которую продолжают попадать всё новые и новые жертвы этой антинаучной теории). Против этого антинаучного мифа, как известно, не прошёл, в том числе, Ф. М. Достоевский в своём "Дневнике писателя"[47], но авторитет гения против мнения некоторых *профессиональных филологов* оказался недостаточным, чтобы данная псевдонаучная *теория* оказалась бы кунсткамере мертворождённых уродцев.

---

[40] Менгес К. Г. Восточные элементы в Слове о полку Игореве. М., 1979. С. 33.
[41] См.: Там же.
[42] Там же.
[43] Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 665.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Научное опрвержение этой псевдотеории см.: Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // Studia Slavica Hungarica. XXIX, Budapest, 1983. С. 33 – 69; Он же. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая) // Studia Slavica Hungarica. XXXIII /1 – 4, Budapest, 1987. С. 37 – 76; Он же: Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Semiotics and the History of Culture. Ohio, 1988. С. 197 – 302; Он же: Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста – 81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 49 – 53; см. также: Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1990 – 1996 гг. М., 2000. С. 99 – 100.
[47] См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 23. М., 1990. С. 63, 382.

Так, одним из ярких представителей *теории* отождествления понятий *раб* и *славянин* является Э. Бенвенист, который безапелляционно заявляет: “В индоевропейчких языках, даже новых, раб, являясь непременно чужеземцем, именуется или иноязычным словом (гр. Doûlos, лат. seruus ‘раб’) или словом, обозначающим другой народ (фр. Esclave < Slave ‘славянин’)”[48].

Несмотря на то, что Бенвенист указывает на два типа терминов, означающих раба, он, применительно к термину Esclave даёт как бы соединённое толкование: дескать, термин сходен с греческим δοῦλος *раб*, которое, в свою очередь, родственно латинскому familia (по смыслу, то есть означает *домашних*), но само слово δοῦλος сопоставимо с инд.-ир. словом dāsa в значении *человек*[49]. И дальше он утверждает, что это слово (то есть δοῦλος *раб*) заимствовано “из какого-то неиндоевропейского языка бассейна Эгейского моря”[50].

При этом совершенно непонятно, зачем Бенвенист сопоставляет др.-гр. δοῦλος *раб* с инд.-ир. dāsa *человек*, при том, что происхождение этого слова он оставляет без ответа: то ли в др.-гр. оно попало из инд.-ир.(то есть является заимствованием из неизвестного неиндоевропейского источника в др.-гр. посредством инд.-ир. языка), то ли наоборот, почему эти два слова имеют всего один сходный элемент (звук [d], – впрочем, чтобы объяснить *сходство* двух несходных слов Бенвенист “реконструирует” слово-прототип *dowelo или *doselo[51]), как и по каким фонетическим законам и какого языка *dowelo или *doselo приняло формы δοῦλος и dāsa, – всё это Бенвенист оставляет не просто без ответа – он даже не задаётся такими вопросами.

Зато он безапелляционно утверждает (не предполагает и потом доказывает, а именно утверждает, не удосуживаясь что-либо доказывать, считая такое утверждение аксиоматичным): “В этой связи можно вспомнить и современное (французское) слово esclave: это название славян, Slaves, в его южнославянской (сербской или родственной ей) форме, этнический термин Slověninŭ. От Slověninŭ произведена греческая византийская форма Σκλαβηνοί (ит. Schiavoni), которая, будучи осознана как производная, дала этнический термин Σκλάβοι. Отсюда во всём западном мире esclave и родственные формы. Другая параллель – в англосаксонском мире, где wealh ‘раб’ означает собсвенно ‘кельт’, покорённый народ. ”[52] И далее, чтобы не возникло и тени сомнения: “Итак, каждый язык заимствует название раба у другого. Один народ может даже дать рабу имя соседнего народа, если последний подчинён ему”[53].

Данные рассуждения, может быть, и не лишены того, что, не без иронии, принято называть “острый галльский смысл”, но филолог, если его рассуждения претендуют на научность, обязан не рассуждать в стиле французского полубогемного салона, а доказывать свои выкладки с фактами в руках

---

[48] Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 233.
[49] См.: Там же. С. 234 – 235.
[50] Там же. С. 235.
[51] См.: Там же.
[52] Там же. С. 236.
[53] Там же.

(в данном случае можно сказать, что с фактами в устах). Допустим, что англосаксонское wealh ‘раб’ и ‘кельт’ объясняется тем, что англосаксы (правильнее, всё же, сказать: англы, саксы, юты и некоторые другие народы), действительно, захватили остров Британию и покорили тех кельтов, кто не бежал с острова на полуостров Арморика, а потому имя народа – wealh,– стало обозначать *раба*, но какое это имеет отношение к славянам? Но тогда пусть Бенвенист напомнит, когда так называемый западный мир покорил славян? Когда славяне захватили большую часть так называемой Восточной Римской империи (Балканы, острова, часть Малой Азии, проникли в Египет и дошли до Испании)? Или когда разгромили шведов на Неве? Или когда разгромили немецких рыцарей на льду Чудского озера? Или когда снова разгромили их под Грюнвальдом? Когда же?

А что дало французскому лингвисту Бенвенисту основание для отождествления фр. esclave и славянского словѣне? Бородино, Березина или взятие Парижа русскими войсками? Может быть Крымская война, когда, по сути, объединённые силы Запада, вкупе с Османской Турцией, не смогли победить Россию, сражавшуюся в одиночку? Или когда войска вишистской армии французов пытались, вместе с нацистской Германией, взять реванш за Бородино в Сталинградской битве? Когда?

А ведь он же сам утверждает, что “в конечном счёте положение раба всегда восходит к положению военнопленного или человека, угнанного силой”[54]. Можно, конечно, вывести мифическую связь между esclave и словѣне, “объяснив” происхождение esclave из якобы словѣне, а потом из этого умозрительного положения “вывести” заключение о “массовом захвате славян в рабство Западным миром”, но всякому понятно, что это пример риторической тавтологии – то есть доказательства из самого себя.

Итак, утверждение о происхождении esclave из якобы словѣне – пример нарушения законов формальной логики (а хорошо известно, что нарушение законов формальной логики – это отсутствие культуры формально-логического мышления, отсутствие культуры ума).

Нетрудно заметить, что греческий термин (нов.-греч. *σκλάβος раб*) может быть производным от греческого же слова (др.-гр. σκῦλεύω, означающее: 1) снимать (с убитого врага) доспехи 3) отнимать 4) грабить[55], откуда σκύλον, σκῦλον τό 1) снятые с убитого врага доспехи 2) добыча[56]), что и утверждает Ф. Клюге[57]. Эта версия содержится и в других работах[58]. Далее можно сделать вывод, что ср.-гр. слово *σκλάβος раб*, попав в латинский язык, дало латинское Sclaveni. Но оно означает вовсе не *рабы*, а *славяне*. Тем не менее высказываются предположения, что именно это слово и дало обилие слов в западных языках, означающих понятие *раб*: английское *slave,* французское

---

[54] Там же. С. 233.
[55] См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2-х томах. М., 1958. Т. 2. С. 1486.
[56] См.: Там же. С. 1487.
[57] См.: F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 2002, siehe Sklave.
[58] См.: Köbler, Gerhard, Deutsches Etymologisches Wörterbuch, 1995.

esclave, немецкое *Sklave*, испанское *esclavo*, португальское *escravo*, итальянское *schiavo*. Отметим, пока что, итальянское слово.

Все приведённые слова являются словами языков, либо происходящими из латыни (французский, испанский, португальский, итальянский), либо из языков народов, находившихся под властью Рима или под сильным влиянием латинского языка (Британия мало, что была римской колонией, так ещё и в Англии вплоть до середины XVI в. государственными языками были латинский и старофранцузский; усмешка судьбы – во Франции в это время государственными языками были латинский и итальянский).

Итак, в греческом языке слово *раб* производно от греческого же слова, оно считается заимствованным в латынь, где означает вовсе не раба, а этноним, но оно послужило основой для слов западноевропейских языков, означающих *раб*. Очевидно, что здесь имеется логическая ошибка. Но где она?

Попробуем вернуться к началу. И Бенвенист, и другие исследователи отмечают связь института рабства с захватом пленников, откуда делается вывод, что если в основе рабства стоит захват иноплеменников, то именно это и порождает слово со значение *раб*. Такой вывод представляется небезупречным. Содержание института рабства, положения раба как такового, смысл рабства является вовсе не захват пленников (это лишь основание становления рабом, да и то не всегда), а состояние несвободы, лишение свободы (часто, действительно, в результате захвата в плен).

В этой связи стоит обратить внимание на лат. слово clāvus, означающее: 1) ключ 2) задвижка, засов[59]. Раб, как мы отметили, – это человек, лишённый свободы, за***ключ***ённый. Вспомним, хотя бы, Русскую Правду: человек лишался свободы (становился холопом), если поступал *без ряду* (то есть не оговаривал условия своего поступления) на должность *ключника* или, даже, просто вешал себе на пояс ключи господина, к которому поступал ключником.

Латинское выражение *находиться взаперти* звучит как sub clavi esse[60]. Латинское слово, послужившее основой для всех западных слов, означающих раба, возникло отнюдь не в древности. Обычно это и служит основанием для отождествления его с этнонимом слов;не, так как, де, славяне – молодой народ (“теории”, которые “обосновывают” это утверждение см. выше). Славян, де, в древности не было, вот и приходилось латинам обходиться словом servus *раб, невольник*. Появились же славяне…

Здесь мы вновь видим проявление риторической тавтологии. А между тем известно, что появление современных языков романской группы – это результат не только (и не столько процессов естественного развития латинского языка), сколько результат усвоения латыни народами, завоёванными римлянами и того явления, которое сами римляне воспринимали как порчу латыни. Современные романские языки, с точки зрения древних римлян (если бы мы могли их спросить), – это сильно испорченная латынь.

---

[59] См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 150.
[60] См.: Там же.

Предположим, что слово, ставшее исходным для современных западных слов, обозначающих раба, – это и есть результат “порчи” латыни: например, sub clavi esse > clavi esse > esse clavi > esseclavi > esclavi *заключённый > лишённый свободы > раб*. Думается, что такая реконструкция выглядит убедительной и с филологической, и с исторической, и с фактической точек зрения.

Однако, как хорошо известно, практика – вот основной (хотя и не единственный) критерий истины. Можно ли доказать предположенное выше?

Да, можно. Не требует особого обоснования утверждения, что прямым потомком латыни является, прежде всего, итальянский язык. И именно его данные доказывают правоту нашего заключения: итальянское слово *ключ* имеет форму *chiavo* (кьяво), а *раб*, что закономерно – *schiavo* (скьяво). При этом этноним *славянин* имеет форму *slavo* (*slava* – славянка), то есть ни *schiavo* (скьяво) не имеет значения *славянин (славяне)*, ни этноним *славяне* не опосредуются словом со значеним *рабы*. Итальянское слово *раб* (*chiavo* – кьяво) производно от слова *ключ* (*schiavo* – скьяво), ни оно к этнониму *славянин* (*slavo*), ни этноним *славянин* (*slavo*) к слову *раб* (*chiavo* – кьяво) – отношения не имеют.

Получается, что либо латинское слово (новообразование) со значением *рабы* не производно от греческого, образованного от греческого σκῡλεύω, σκύλον, σκῦλον τό, а возникло на латинской же почве и было контаминировано сгреческим *σκλάβος раб*, либо именно латинское слово, попав в греческий (ср.-гр., византийский греческий), стало толчком для ср.-гр. новообразования, где для этого имелись собственно греческие филологические предпосылки.

В любом случае, никакой связи этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне, откуда ср.-лат. Sclaveni, ср.-греч. Σθλαβηνοί «славяне») с терминами *раб, рабы* не имеется.

Версии происхождения этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), изложенные М. Фасмером, не носят исчерпывающий характер, но рассмотреть их все в рамках данной работы не представляется возможным, в силу того, что кроме академических работ, имеется огромное количество непрофессиональных, зачастую весьма эксцентрических.

Упомянем лишь некоторые.

Так Я. Отрембский (Ян Щéпан Отрéмбский, польск. Jan Sczcepan Otrębski) обратил внимание на параллель: лит. название деревни Šlavė́nai на реке Šlavẽ, что тождественно слав. slověne[61].

С. Б. Берштейн настаивал на этимологии: *slověne от и.-е. *slau̯os «народ» (ср. гр. λᾱός «народ»)[62].

Р. О. Якобсон, нисколько не смущаясь категорическим утверждением, что этноним *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), не может быть образован от слова *слово*, так как суффиксы -ěninъ, -aninъ встре-

---

[61] См.: Трубачёв О. Н. Славянин // Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 666.; Otrębski J. // Lingva Posnaniensis. Poznań, 7. 1958. С. 263.; Рудницкий // Prasłowiańszyzna – Lechia – Polska. Poznań. 1959. С. 133.

[62] См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.

чаются только в производных от названий мест, настаивал на этимологии от *слово*, так как существует др.-русск. слово *кличане* «охотники, поднимающие дичь кликом», производное от слова *клич*[63].

Эту точку зрения разделил и О. Н. Трубачёв, который пришёл к выводу, что нужно рассматривать этноним *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) не изолированно, а в связи с другими словами содержащими суффиксы -ěninъ, -aninъ, привёл материалы по праславянскому словообразованию и обнаружил: суффикс -анинъ в русском языке указывает не только на принадлежность к месту, к территории, а и на связь с сословием, группой людей, предприятием, занятием, характерным действием и т. п., например, как бѣжанинъ «беженец» или кличанинъ — «тот, кто на охоте криками и шумом пугает зверей», что зафиксировано в летописях под 1091 г.[64]

Так как эти слова соотносятся с глаголами, а сам О. Н. Трубачев считал именно этимологию Р. Якобсона наиболее перспективной, то и правильнее будет, по его мнению, производить этноним не от существительного *slovo (его основа *sloves-), а от глагола*slov-, *sluti «(понятно) говорить», так как в др.-русск. языке от этого корня были образованы слова со значениями «считаться», «называться», «славиться», и к этому же этимологическому гнезду относятся слова: *slava «слава, устная громкая молва»[65].

Кроме того, О. Н. Трубачёв особо обратил внимание и на близость этнонима *slověne к этнониму Σταυανοί (ставаны), применённому Птолемеем по отношению к народу, который он помещал между *галиндами*, *судинами* и *аланами*, а это греческое имя (то есть Σταυανοί), по нашему мнению, можно было бы прочесть как индоиранское *stavana- «хвалимый как перевод слав. *slověne[66].

Любопытно отметить, что вместе с этнонимом Σταυανοί (ставаны), который сближают со словом stavana, упомянут этноним *судины*. И дело здесь вот в чём.

Σταυανοί (ставаны), если это действительно stavana (где stavana – это स्तवन stavana *n.* восхваление[67]), упомянуты с народом, имя которого – *судины* – тоже может быть объясено через др.-инд. языки, где находим सुदिन su-dína **1.** ясный, безоблачный **2.** *n.*1) ясный, безоблачный день 2) счастливый день[68].

Стоит упомянуть, что этноним *судины* принято считать другой формой этнонима *судавы*. Трудно понять, каким образом можно одно слово считать вариантом другого. По нашему мнению едва ли не единственное у них то, что оба можно этимологизировать, используя данные и.-а. языков: *судавы* – из सु *su* в значении *хороший*[69] и दव *dava m.* 1) лесной пожар 2) жар; жара;

---

[63] См.: Трубачёв О. Н. Там же.
[64] См.: Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 7. С. 175.; См. ещё: Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
[65] См.: Агеева Р. А. Страны и народы. Там же.
[66] См.: Там же.
[67] См.: Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 2005. С. 751.
[68] См.: Там же. С. 735.
[69] См.: Там же. С. 732.

пыл; зной[70]. Происхождение этнонима – सुदव *sudava* (*su-dava*)– может быть объяснено из способа земледелия – подсечно-огневого.

[70] См.: Там же. С. 262.

ИНДОСЛАВИКА СЛАВЯНСКИХ ЭТНОНИМОВ

Одним из первых, кто сделал шаги в сторону индославики (данный термин – *индославика* – принадлежит автору данной работы и производен от термина *индославы*, которым индийский учёный Рахула Санкритьяяна [в русских публикациях – Рахул Санкритьяян] назвал общность древних племён, обитавших, как доказывалось им, в верховьях Волги и являвшихся общими предками для славян и индийцев как индоариев[71]) в этимологизировании славянских этнонимов, был Потебня Александр Афанасьевич [10(22).9.1835, село Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии, – 29.11(11.12).1891, Харьков]. Именно А. А. Потебня предложил и.-а. этимологию этнонима *сербы*.

Индославика этнонима *сербы.*

Среди других славянских народов хорошо известны *сербы*. В настоящее время этот этноним боле всего известен для балканского народа, но тем не мене существуют сербы на территории современной Германии, а Константин Багрянородный в своём сочинении “Об управлении империей” упоминает сербов (Σέρβιοι, то есть *сервии*) и как народ восточнославянский[72]. М. Фасмер, как можно понять, не видит это свидетельство достоверным[73], отмечая, что Нидерле считает Σέρβιοι искажением формы *сѣверяне*[74].

Русское **серб**, откуда **Сербия**, считается заимствованием из сербохорв. срб, србин, србљин, засвидетельствованное в ср.-гр. как Σέρβιοι, Σέρβλοι, др.-сербск. срьбинь, срьблинь, – древнее – племенное название, родственное в.-луж., н.-луж. serb «серболужичанин», ср.-лат. Zribia «Мейссения»[75].

М. Фасмер считает, вслед за И. Ю. Микколой, что этноним *serbъ, в первоначальном значении «союзник», родствен словам *па́серб* «пасынок», укр. *присе́рбитися* «присоединиться»[76], поэтому и категорично заявляет: “Недостоверны сравнения *serbъ с др.-инд. sarbh- «бить, рубить, убивать», вопреки Потебне <…>”[77]. Несмотря на то, что сближение А. А. Потебни славянского этнонима с др.-инд. словом осталось как бы на обочине научной мысли, оно важно уже хотя бы потому, что А. А. Потебня, скорее интуитивно, нащупал, как видится, верный путь. К индо-арийской этимологии этнонима *serbъ мы ещё вернёмся.

В защиту этимологии А. А. Потебни можно привести следуещее: О. Н. Трубачёв, дополняя этимологический словарь Фасмера, писал о другом славянском народе

---

[71] См.: Рахул Санкритьяян. От Волги до Ганга. М., 2002.
[72] См.: De adm. imp., гл. 9.
[73] См.: Цит. раб. Т. 3. С. 604.
[74] См.: Там же.
[75] См.: Там же. С. 603 – 604.
[76] См.: Там же. С. 604.
[77] Там же.

*– чехах, что наиболее вероятно объяснение названия этого племени из *čexati / *česati в значении "наносить резкий, рубящий удар."*[78] *При этом он подчёркивал, что в отношении к этнониму *čехъ первоначально имелось в виду боевое рубящее, режущее оружие, меч, нож.*[79] *О. Н. Трубачёв отмечает возможность калькирования этнонима Boii (то есть кельтское Boii > славянское *čехъ, *čexi) и сближения с этнонимом Sachsen, *sahsa- "саксы" из первоначального "ножи."*[80]

Думается, что самоназвания чеченцев нохчий при болгарском слове ***нохче*** *из* ***ножче*** *– скорее всего, совпадение, хотя и любопытное.*

Нужно признать, что убедительной и общепринятой этимологии этнонима *сербы* не существует. Об этом недвусмысленно писал и О. Н. Трубачёв[81]. И нужно ли удивляться, что и для сербов существует славянофобская *рабская* этимология.

Но обо всём по-порядку. Данный этноним встречается в 79 г. у Плиния Старшего (лат. Plinius Caecilius Secundus (Major)) в форме Serbi[82], правильная форма – Serbī, ōrum *m* как *племя в вост.-европейской или азиатской части Скифии*[83], а так же и у Птолемея (около 175 г.)[84]. Стоит ли упоминать, что эти сербы, как правило, в научной литературе именуются *так называемые античные сербы*, что, поскольку они упомянуты в *Скифии*, то и не считаются славянами. Это и понятно, ведь славян *тогда* (*в античности*) *ещё не было* (*ведь о славянах нет упоминаний у античных авторов, а когда упоминания есть, то это, разумеется, не о славянах, ведь их же тогда не было, потому, что их и быть не могло…*).

По гречески (средне-гречески) этот этноним пишется как Σέρβιοι, Σέρβλοι. И именно это и послужило поводом для антинаучной *рабской* этимологии этнонима *сербы*. Так, греческая буква β в греческой форме этнонима – это буква В (прописная) β (строчная), с названием βῆτα бéта и чтением [б][85], то есть Σέρβιοι, Σέρβλοι, казалось бы, читается как [сéрбии, сéрбли] ([sérbii, sérbli]), но именно в это время, в эпоху смены эр, с греческим языком случились изменения, в результате которых, в частности, указанная буква стала именоваться βήτα вита с чтением [в], то есть Σέρβιοι, Σέρβλοι стало читаться и читается как [сéрвии, сéрвли] ([sérvii, sérvli]).

---

[78] См.: Трубачёв О. Н. Послесловие к четвёртому изданию "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера // Фасмер М. Цит. раб. Т.1 С. 588.
[79] См.: Там же.
[80] См.: Там же.
[81] См.: Трубачёв О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северно Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 25.
[82] См.: Plin. H. N. I. VI. C. 7. §. 19.
[83] См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 703.
[84] См.: См.: Ptolem. I. V. C. 9.
[85] См.: Соболевский С. И. Древнегреческий язык. С.-Пб., 2000. С. 7.

Но ведь есть латинское слово servi = serva capita со значением *рабы*[86], от servus, ī *m* со значением *раб, невольник*[87], сюда же servus, a, um со значением *служилый, подневольный; находящийся в полном подчинении, зависимый, подвластный; рабский невольничий,* а так же *обременённй повинностями* (*юр.*)[88]. И вот уже создаётся "гипотеза" о том, что, де, этноним *серб(ы)* произведён от слова *раб(ы).*

В действительности эти слова находятся даже в меньшем родстве, чем представитель рода растений семейства жимолостных (sambucus), выросший в огороде, с родственником мужского пола, проживающим в *матери городов Русских.*

Как нетрудно заметить, в латинском языке, где есть слово servi *рабы*, этноним *сербы* имеет форму Serbī, ōrum *m*, а в ср.-гр., где этноним *сербы* имеет форму Σέρβιοι, Σέρβλοι и звучание [се́рвии, се́рвли] ([sérvii, sérvli]), понятие *раб* опосредуется словом δοῦλος и отсутствует слово, сходное по звучанию с этнонимом Σέρβιοι, Σέρβλοι, со значением *раб* .

Упоминание Плиния Старшего о сербах в Скифии, очевидно, направило поиск этимологии этнонима *сербы* по, так сказать, иранскому следу.

Так, отмечает О. Н. Трубачёв, Мошинский (Лешек Мошинский, польск. *Leszek Moszyński*) возводит "слав. serb, Σέρβοι к и.-е. *ser-v- «охранять», которое дало в классическом скифском [здесь *скифский* – иранский.– В. К.] *xarv, откуда слав. *xṛvati"[89]. Получается, что слово срб, србин, србљин (сербохорв.) – это то же, что и хорв. hrvati *хорваты*. В свою очередь, отметая этимологию о заимствовании этнонима hrvati *хорваты* из герм. *hurwa- 'рог, роговой', О. Н. Трубачёв отмечает форму Νορόαθος из надписи первых веков н. э. в Танаисе (на нижнем Дону), которую осторожно называет *очевидно иранской*, склоняясь к мысли, что ир. *χar-va(n)t- является иранской фонетической ипостасью первоначально индоарийского *sar-ma(n)t- 'женский, женовладеемый'[90].

Иранской точки зрения на происхождение рассматриваемого этнонима придерживается и М. Гимбутас.[91]

Есть и славянская гипотеза. Так, П. Шафарик полагал, что этноним *серб(ы)*, а Шафарик рассмотрел все известные ему формы этого этнонима, собирательное *Сербь* означает *порождение, родич, род, народ*[92]. Свой вывод он обосновал тем, что в славянских языках есть слова: русск. и малорус. *пасерб* (puer[93], privignus) *пасынок*[94], польск. pasierb, сюда же русск. и малорус.

---

[86] См.: Дворецкий И. Х. Там же. С. 705.
[87] См.: Там же.
[88] См.: Там же.
[89] Трубачёв О. Н. Серб // Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 604. См. также: Трубачёв О. Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 277.
[90] Он же. Дополнения и исправления к томам III, IV издания 2-го [Этимологического словаря русского языка М. Фасмера] // Фасмер М. Цит. раб. Т. 4. С. 860.
[91] См.: Гимбутас. Славяне. Сыны Перуна. М., 2007.
[92] См.: Шафарик П. Славянские древности. М., 1847. Т. I. Кн. I. С. 298-299.
[93] Зря Шафарик использовал лат. puer для перевода слова *пасерб*, имеющего значение *пасынок*, так как кроме значений *ребёнок, дитя, мальчик, девочка, холостяк и т. д. (всего 7 значений)*, слово puer имеет значение *молодой слуга, раб* (См.: Дворецкий И. Х. Цит. раб. С. 635) – кто-нибудь из славянофобов может догадаться

пасербок (privignus), пасербка, пасербица (privigna) *падчерица*[95], польск. pasierbica (privigna) и т. д.[96] Таким образом, мыслил Шафарик, формант *серб* в слове *пасерб* идентичен форманту *сын* в слове *пасынок*[97]. Далее он утверждает, что в слове па-се-р-б (pa-ser-b) или па-стер-к (pa-ster-k) корнем является *сер* (ser) [очевидно, что слово *пасерб* нужно разложить иначе: не па-се-р-б, а па-сер-б.- В. К.], тот же, что и в словах *сирота, сирый* и т. п.[98] "Этот корень, – продолжает П. Шафарик, – находим мы в санскр. su <…>"[99]. Совершенно ошибочным было бы мнение, что Шафарик считает этноним *серб(ы)* индоарийским по происхождению (увы! данная оговорка необходима и обязательна, так как, по необъяснимой причине, всякая попытка автора сопоставить то или иное слово русского языка с ведийским и (или) санскритом встречает со стороны некоторых профессиональных филологов (nomina sunt odiosa) неадекватно агрессивные попытки обвинить автора в том, что он путает санскрит с русским языком, считает, де, что санскрит произошёл от русского, а славянские языки – от санскрита и друг от друга и в других подобных, не имеющих ни к автору, ни к лингвистике в целом, утверждений).

В действительности, П. Шафарик увидел исконное родство данных слов, связав: *сын, пасерб, пасынок* и т. п., – с и.-а. словом su-. Это слово – सु *su* 1) побуждать, подстрекать 2) обладать силой *или* верховной властью[100], откуда सुत *suta m*. сын[101] и सुता *sutā f*. дочь[102]. Далее, сюда же सू II *sū* 1) возбуждать, волновать 2) производить 3) рождать, порождать 4) приносить, давать (*урожай*),[103] откуда सून *sūna* **1.** (*pp*. от सू II) 1) рождённый, произведённый 2) расцветший, распустившийся **2.** *m*. сын **3.** *n*. бутон; цветок[104] и सूनु *sūnu m*. сын[105].

И. Миккола и Сольмсен разделяли, в целом, эту этимологию П. Шафарика, и, как отмечает М. Фасмер, считали, что "этноним *serb (первонач. «союзник») родствен словам *пáсерб* «пасынок», укр. *присéрбиться* «присоединиться» <…>."[106] Близка этой этимологии и позиция Г. А. Ильинсеого, считавшего, что *серб* – это «человек, член родового союза»[107], с которым согласился Г. Ф. Ковалёв: "Этимология Г. А. Ильинского очень убедительна,

---

заглянуть в латинский словарь и объявить, что этноним *серб* таки имеет значение *раб* и это, де, сам же Шафарик и утверждал.- Прим. Автора.

[94] См.: Дворецкий И. Х. Цит. раб. С. 618.

[95] См.: Там же.

[96] См.: Шафарик П. Цит. раб. С. 295.

[97] См.: Там же.

[98] См.: Там же. С. 297.

[99] См.: Там же.

[100] См.: Кочергина В. А.Цит. раб.. С. 732. [Понятно, что значение *обладать верховной властью*, применительно к славянскому этнониму, у любителей связывать происхождение славянских этнонимов со словом *раб*, не вызовет, мягко говоря, большой энтузиазм.- В. К.]

[101] См.: Там же. С. 735.

[102] См.: Там же.

[103] См.: Там же. С. 744.

[104] См.: Там же. С. 745.

[105] См.: Там же.

[106] См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 604.

[107] См.: Агеева Р. А.. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.

поскольку она согласуется с древним типом этнической номинации (переход социально-родовых терминов в этнические) <…>”[108].

Славянской, но несколько иной, считал этимологию этнонима немецкий (из ГДР) исследователь Х. Шустер-Шевц (H. Schuster-Šewc), который связал этноним с русск. диалектным *сербать* в значении *хлебать* и обычаем так называемого *молочного родства*[109].

А вот Л. Мошинский считал, что *серб* восходит к и.-е. *ser-v- со значением *охранять, сторожить* (например, *охранять, сторожить скот*), а уж эта лексика связывается с индоиранскими (понимается, что с иранскими) языками, а сам этноним – со словом servus *раб*[110]. Р. А. Агеева отмечает, что Л. Нидерле, а вслед за ним Г. А. Хабургаев и др. “предполагают, что славянские племена, расселившиеся на территории современной Венгрии, к VI в. могли получить этот этноним от местных сарматов, которые под названием Sarmatae servi или servi Sarmatorum упоминаются в источниках IV—V вв., а затем, ассимилированные славянами, исчезают”[111].

По этой этимологии получается, что хорваты получили свой этноним от сарматов, а сербы от сарматских servi.

Единственный же вывод, заявленный нами в начале очерка об этимологии этнонима *серб(ы)*, как предположение, которое будет доказано, подтверждается: убедительной и внутренне непротиворечивой этимологии этнонима *серб(ы)* в настоящее время не существует.

Можем ли мы предположить свою этимологию? Думается, что да. Для этого нам придётся вернуться к забракованной М. Фасмером этимологии А. А. Потебни. Он, как помнится, связал *serb с др.-инд. sarbh- «бить, рубить, убивать», а М. Фасмер назвал это сближение недостоверным[112]. Слово, на которое обратил внимание А. А. Потебня – это सर्भ् *sarbh* бить, убивать, уничтожать[113].

Мы, также, знаем, что сербы – это не только балканский народ, сербы живут и в Германии. Кроме того, имеются свидетельства, приведённые выше, о сербах Восточной Европы (хотя античные сербы славянами как бы не считаются). В Восточной Европе известен этнос белых хорватов, а хорваты – часть сербо-хорватского этноса. Очевидно, что когда тот или иной источник сообщает нам тот или иной этноним, мы должны иметь в виду, что сведения, относящиеся к одному племени, по той или иной причине могли быть связаны и с другим племенем.

В этой связи вспомним ободритов – племя (группу племён), которое, вместе с лужичанами (в состав которых и входили сорбы, то есть лужицкие сербы) и лютичами, входили в состав так называемых полабских славян. Эт-

---

[108] См.: Ковалёв Г. Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982. С. 31.
[109] См.: Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der oberund niedersorbischen Sprache. Bautzen. 1985.
[110] См.: Агеева Р. А. Страны и народы..
[111] Там же.
[112] См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 604.
[113] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 712.

ноним *ободриты* имеет ряд этимологий. Так, полагают, что это – речной этноним, то есть ободриты – это *жители с берегов реки Одры*, а возник он, когда ободриты ещё обитали на берегах этой реки (в пшеворское время)[114]; Л. Нидерле полагал, что этот этноним имеет патронимическое происхождение – от имени предводителя или родоначальника *Ободра*[115], но мы остановимся на следующей этимологии.

Оказывается, не только сербы, но и ободриты обитали где-то на среднем Дунае, о чём упоминается во "Франкских анналах": "<…> ободриты, которые на языке народа называются грабителями"[116]. О. Н. Трубачёв, ранее разделявший *речную* этимологию этнонима *ободриты*, в этой связи от неё отказался и пришёл к выводу, что он образован от славянского глагола *ob(ъ)derti/*ob(ъ)dъrati 'ободрать, ограбить'[117].

Мы точно не знаем, был ли этноним *ободриты* самоназванием, или это название внешнее. Если допустить, что это внешнее название, или, по крайней мере, не единственное имя народа, то можно предположить, что ободриты – иное имя сербов. А кроме санскритского सर्भ् *sarbh* бить, убивать, уничтожать, мы имеем ещё и славянское (болгарское) *сърбеж* в значении *грабёж*[118]. Очевидно, что если сербы назывались (могли называться) ободритами, то этноним *серб* мог и должен был грамотному франкскому книжнику слышаться как *грабитель*. И тогда фразу, что *ободриты, которые на языке народа называются грабителями*, мы должны понимать так: *ободриты, которые на языке(славянского) народа называются сербами=грабителями.*

Но действительно ли сербы – это *грабители* и их этноним произведён от *сърбеж* в значении *грабёж*, или सर्भ् *sarbh* бить, убивать, уничтожать?

Думается, что это не так, или не только и не столько так. Дело в том, что помимо सर्भ् *sarbh* бить, убивать, уничтожать нужно ещё обратить внимание на слово सर्ब् sarb идти, двигаться[119]. Сюда же ещё и शर्ब् *çarb* 1) идти 2) ранить 3) вредить 4) убивать[120]. Мы видим, что в санскрите слова, близкие слав. *сърбеж*, имеют значение не только связанные с насилием, но и с идеей движения. И вот здесь снова нужно вспомнить этимологию П. Шафарика и то, что уже он обратил внимание и вскользь заметил: "Что касается до сербов, то я согласен с Плинием, помещающим их близ Дона. <…> Недалеко оттуда, именно, где Волга поворачивает от Дона на восток, находится река Сарпа <…> название этой реки, кажется, напоминает сербов"[121].

---

[114] См.: Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2005.
[115] См.: Niederle L. Slovanské starožimosti. T. III. Praha, 1919. S. 126.
[116] См.: Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 129–130.
[117] Там же.
[118] См.: Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 63.
[119] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 712.
[120] См.: Там же. С. 638.
[121] Шафарик П. Цит. раб. С. 280.

Имя этой реки можно этимологизировать из и.-а. языков, где находим सर्प् *sarp* 1) ползти 2) скользить 3) идти, двигаться 4) исчезать, ускользать[122]. А далее सर्प *sarpa* **1.** ползающий, присмыкающийся **2.** *m*. 1) змея 2) *pl. назв. разряда полубогов*[123]. Вполне подходящяя лексика для наименования реки: идущей, ползущей, змеящейся и т. д.

Кроме того, П. Шафарик считая, что этноним *серб(ы)* имеет значение, связанное с рождением, порождением, не обратил на связь, пусть бы и омонимичную, слова सू II *sū* 2) производить 3) рождать, порождать со словом सु *su* выжимать, выдавливать.[124] Так что в этнониме *серб(ы)* вполне могли контаминироваться значения, связанные с речной темой и темой рождения, порождения.

Следовательно, мы можем признать, что этноним *серб(ы)* производен от имени реки со *значеним течь, струиться, змеиться* и *рождаться*, сохранившей в своём имени реликт древнего и.-е. слова, контаминированный с лексикой родства и только случайно ошибочно сближаемый с лексикой, обозначающей и в славянских и и.-а. языках понятие грабежа, разбоя, убийства и т. п.

Стоит отметить, что и О. Н. Трубачёв считал этноним сербы индоарийским по происхождению, но видел решение его этимологизирования несколько иначе[125].

Мы можем, пусть и осторожно и со всеми необходимыми оговорками, признать этот этноним одновременно и слав. и и.-а. по происхождению, *индославским (индославянским)*.

Индославика этнонима *поляне*.

Казалось бы, что происхождение этого этнонима не таит никакой тайны. Так, принято считать, что название вост.-слав. племени в окрестностях Киева и как обозначения жителей бывшего Мосальского уезда Калужской губернии (др.-русск. *полянинъ*, мн. *поляне* – по Повести временных лет), аналогичное польск. polanie – производно от слова *поле*. Такая этимология даётся уже автором ПВЛ: «занеже в поле седяху»[126]. Как видим, она повторяется, без критики, современными исследователями. Кроме М. Фасмера такую же этимологию даёт и Р. А. Агеева: “Название поляки/поляне (ср. также аналогичное название древнерусского племени поляне) происходит от слова pole «поле» и обозначает жителей равнинной местности”[127].

---

[122] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 712.
[123] См.: Там же.
[124] См.: Там же. С. 732.
[125] См.: Трубачёв О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства… С. 25.
[126] Повесть временных лет.
[127] Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? С. 257.

Однако обилие *речных* славянских этнонимов позволяет предположить, что и этноним *поляне* – такого же происхождения: река Поля[128] – поляне. И в таком случае можно привести и.-а. слово – पुलिन *pulina n.* 1) *геол.* аллювий; наносные образования 2) низкий песчаный берег 3) отмель.[129] Ср.: पुलिन्द *pulinda m. pl. название дикого горного племени*[130].

Индославика слова *варяги*.

При упоминании данного слова у большинства читателейможет возникнуть недоумённый вопрос: какое отношение имеют *варяги*, коль скоро речь идёт об этнонимах славянских?

Недоумение понятно: если открыть, к примеру, этимологический словарь русского языка М. Фасмера, то можно прочесть безапелляционное утверждение, что “так называли на Руси выходцев из Скандинавии”[131].

То, что *варяги* – скандинавы – М. Фасмер именно утверждает, но не доказывает. При этом не чураясь мелкого подлога. Так, давая формы этого слова, он пишет: “др.-русск. *варягъ* (с IX в.) <…>. Ср.-греч. βάραγγος, ср.-лат. varangus «телохранитель, воин из наёмной стражи визант. императоров» <…> араб. Varank (X – XI вв.)”[132].

Однако форма *варягъ* (с IX в.) не существовала по причине отсутствия буквы ***я*** в алфавите. В IX в. мы имеем *варѧгъ*, мн. *варѧзи*. Замена буквы ***юс*** (малый) на букву ***я*** понятна: не упоминая этимологические разыскания С. А. Гедеонова, М. Фасмер заочно полемизирует с ним, отрицая выводы, сделанные С. А. Гедеоновым. Именно отрицает, а не пытается опровергнуть.

М. Фасмер повторяет старые утверждения норманистов, что русское слово *варѧгъ*, мн. *варѧзи* заимств. из др.-сканд. *váringr, vœringr, от vár «верность, порука, обет», т. е. «союзник, член корпорации»[133].

Вызывает недоумение разнообразие скандинавских форм, которые могли бы лечь в основу русского, ср.-гр. и ср.-лат. слов. Здесь и несуществующая др.-сканд. форма *váringr, привлекаемая норманистами, и др.-сканд vœringr, и vaeringjar[134].

М. Фасмер приводит “исходное” vár «верность, порука, обет», но при начале попыток этимологизировать русск. *варѧгъ*, мн. *варѧзи* (и ср.-греч. βάραγγος, ср.-лат. varangus) использовались другие формы: др.-швед. *wâring из предполагаемого др.-сканд. *wâra = *обет, присяга*[135]. Отсюда, полагали, около 850 г. образовалось русское *варѧгъ*, мн. *варѧзи*, а около 950 г. – гр.

---

[128] Река Поля есть как в Московской области (впадает в Клязьму), так и на Северо-Западе, см.: Агеева Р. А. Гидронимия Русского Севера-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004.
[129] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 400.
[130] См.: Там же.
[131] Фасмер М. Цит. раб. Т. 1. С. 276.
[132] Там же.
[133] Там же.
[134] См.: Гедеонов С. А. Варяги и Русь. В 2-х частях. М., 2004. С. 154.
[135] См.: Там же. С. 155.

βάραγγος[136]. Однако, доказывает С. А. Гедеонов (и это его доказательство, хоть и не принятое норманистами, вернее сказать, проигнорированное, ими так и не было опровергнуто за неимением контрдоводам) из гипотетического *wâring никак не могло образоваться ср.-гр. βάραγγος: “из wâring могло бы образоваться только βάριγγος”[137].

Далее, С. А. Гедеонов продолжает: “Да и самая (предполагаемая) форма” wâring не может устоять против дошедшего случайно до нас, в названии острова Väringö (ö = остров) подлинного древнешведского имени Väring. «Väringö, – сообщают мне из Стокгольма, – островок, лежащий вблизи от твёрдой земли, в большом проливе между Стокгольмом и Фурусундом»”[138]. По мнению С. А. Гедеонова, это доказывает, что шведы в X – XI вв., как и норвежцы, говорили не wâring, а vaering, но от общескандинавского vaeringi = väringi не могли произойти ни русское *варяг* [*варѧгъ*? – В. К.], ни греческое βάραγγος[139].

С. А. Гедеонов отмечает, что в памятниках древнескандинавской письменности упоминается не ранее первой половины XI в.[140] и вэрингами у норманнов назывались только служившие в варангском корпусе в Константинополе[141]. Стоит подчеркнуть, что, согласно древнескандинавским же источникам, первым скандинавом, поступившим в корпус византийских варангов был Болле, сын Болле (Болле боллесон) в 1020 – 1026 гг., а начало корпуса варангов относится к 988 г.[142] Получается, что не скандинавы дали корпусу варангов своё имя, а варангами, то есть вэрингами в скандинавском произношении, звались те скандинавы, кто служил в этом корпусе телохранителей[143].

Он же выводит, что “от греков приняли скандинавы имя варангов под формой vaerigi – vaeringjar, заменяя греческое ang [-αγγ. – В.К.] своим северным ing, а начальное *α* в слоге βαρ, скандинавским ae; так ἅγια Σοφία – Aegisif, παλάτια – Pólótur и т. д.”[144]

С. А. Гедеонов нашёл и славянскую этимологию слова *варѧгъ*, мн. *варѧзи*. И именно здесь стоит пояснить, почему мы придали такое важное значение факту, что М. Фасмер дал слово варяг для др.-русск. периода в форме *варягъ*, а не *варѧгъ*. Дело в том, что буква *юс* (малый), то есть ѧ, носовой (назализованный) гласный [ɛ̃], а в древнейших памятниках – йотированный [jɛ̃]. Для современного уха это звучало бы, примерно, как *эн*, то есть *варѧгъ – варэнгъ*.

Для эпохи С. А. Гедеонова было аксиомой считать, что все слова, содержащие суффиксы с назализованным гласным перед [g] – заимствованием

---

[136] См.: Там же.
[137] Там же.
[138] Там же. С. 156.
[139] См.: Там же.
[140] См.: Там же.
[141] См.: Там же. С. 157.
[142] См.: Там же. С. 156.
[143] См.: Там же. С. 157.
[144] См.: Там же. С. 166.

из германских (то есть немецкого, скандинавского и т. п.) языков. С. А. Гедеонов это мнение оспорил[145] и предположил, что слово *варѧгъ* “занесено к нам с варяжского (балтийского) Поморья господствовавшими на нём славянскими племенами”[146]. Он видел в нём приводимое Геннингом (по списку Гильфердинга) древанское слово warang *меч*[147].

Он обоснованно заключает: “Грамматическая правильность производства русского *варяг* [*варѧгъ*. – В.К.] от живого, по всем законом славянской лингвистики составленная, у Геннинга буква в букву записанного вендского слова *varąg – varang,* неотрицаема <…>”[148]. Свой вывод об этом С. А. Гедеонов обосновывал тем, что назализация гласных – естественное явление.

Существуют и другие этимологии. Так, А. Г. Кузьмин доказывал кельтское происхождение варягов (варяги – ославяненные кельты) и слова *варяг*(*и*). Он считал, что в основе его лежит кельтское *var вода, море*[149].

Объяснялось слово и как производное от *варя-* в значении *процесс выварки соли от затопки печи до выноса соли на сушку*, а варяги – это *солеварыі*[150].

Кроме того, слово *варягъ* имело и другие значения: русск. вар′яга, вар′яжа «корзинщик, коробейник», владим., также «пройдоха, босяк, прощелыга», терск., укр. *варяг* «борец, крепкий, рослый человек»[151].

Логично задаться вопросом: а имеет ли вообще значение, каково происхождение слова *варѧгъ* и самих варягов?

Другим важным шагом в направлении индославики славянских этнонимов, как думается, можно отметить любопытное сопоставление, сделанное Афанасием Матвеевичем Селищевым. И мы переходим к этнониму ***словѣне***.

Индославика этнонима *словѣне*.

В своей книге, озаглавленной А. М. Селищевым “Старославянский язык”, рассматривая суффикс -ēn-ino, -jan-ino, он отмечал, что вторая часть суффикса – то есть -ino – указывала на единичность и в формы множественного числа не входила[152], а сам суффикс использовался для образования существительных со значением имен лиц по их принадлежности к коллективу

---

[145] См.: Там же. С. 158.
[146] Там же. С. 158 – 159.
[147] См.: Там же. С. 159.
[148] Там же. С. 160.
[149] См.: Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории, 1974, № 11; Он же. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994; Он же. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.
[150] См.: Анохин А. И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // Вопросы истории, 2003. № 3.
[151] См.: Цит. раб. Т. 1. С. 276.
[152] См.: Селищев А. М. Цит. раб. С. 65.

какой либо страны, какого-нибудь места жительства, какого либо общественного класса[153]: “sel’aninъ – sel’ane, gordjaninъ – gordjane – ст.-сл. гражданинъ – граждане – русск. *горожанин – горожане*; ст.-сл. самарꙗнинъ, – “житель Самарии”; галилѣꙗнинъ –“житель Галилеи”; болꙗринъ<…>”[154]. И в этой связи он рассмотрел, особенно на этом не останавливаясь (и как бы не заостряя на этом внимание) связь славянского этнонима словѣне с рядом иноязычных слов, в том числе и с индоарийским: “<…> słověninъ, множ. słověne. Суффикс –ěninъ указывал, что корень этого имени относился к названию **местности** или **реки** Słovъ (или Słovo, Słova): słověninъ – из *Слова* или из *Словы* (со *Слова*, со *Словы*). Корень slov- восходил к более раннему сочетанию k’lou̯ – имел значение “течь, орошать, чистить”. Ему соответствует в литовском šlúo-ju (“мету, чищу”) топонимические Šlavė, Šlovė, в др.-индийском šrāv-ana (название дождливого осеннего месяца) <…>. Неизвестно, где находилась местность или река Słov (Słovo, Słova), по имени которой называлось население её. Но в топонимии Повисленья и Поднестровья названия с słov- имеются[155]. Например: несколько сёл “Словени” в Могилёвском, Смоленском и других краях”[156].

Здесь важно отметить слово “šrāv-ana (название дождливого осеннего месяца)” из книги А. М. Селищева. Это слово, которое в санскрите имеет форму श्रावण **II** *çrāvaṇa* **1.** относящийся к Лунному дому; [то есть к श्रवण **II** *çrávaṇa* <…> **2.** *т. назв. 20-го или 25-го Лунного дома, состоящего из трёх звёзд.* – В. К.] **II** 2; **2.** *т. назв. пятого месяца индийского календаря; соотв. июлю – августу,*[157] но есть ещё и श्रावण **I** *çrāvaṇa* **1.** воспринимаемый на слух **2.** *n.* объявление, провозглашение[158]. Нетрудно, в свою очередь, заметить связь श्रावण **I** *çrāvaṇa* с श्रवण **I** *çrávaṇa* 1) слушание 2)учение 3) репутация 4) крик; зов 5) приглашение[159]. Как и этноним ***словѣне***, безусловно, так или иначе, связанный со словами *слово, слава, слух, слыть* и т. п., и слово श्रावण *çrāvaṇa*, и слово श्रवण *çrávaṇa* генетически связаны со словами: श्रव *çrava m.* 1) слух (*чувство*)[160], श्रवस् *çrávas n.*1) звук 2) слава 3) зов, призыв 4) цена 5) награда; приз 6) восторг, восхищение 7) рвение, усердие, пыл 8) вид, внешность[161]; श्रवस्य **I** *çravasyá* 1) быть быстрым, стремительным 2) быть горячим, пылким[162] и श्रवस्य **II** *çravasya* **1.** 1) алчущий славы 2) быстрый 3) пылкий **2.** *n.* славное деяние[163].

---

[153] См.: Там же.
[154] Там же.
[155] См.: Rozwadowski J.. Encore une étymologie – ou pseudologie – du nom slave (“Зборник филологичких и лингвистичких студија А. Белићу”. Београд,1921. С. 129 -131. ; Budimir M. Jevr. k’leu-, teči, plaviti, prati, čistiti (в том же сборнике, 97 – 112). – Прим. А. М. Селищева.
[156] См.: Селищев А. М. Цит. раб. С. 65.
[157] См.: Кочергина А. В. Цит.раб. С. 657.
[158] См.: Там же.
[159] См.: Там же.
[160] См.: Там же.
[161] См.: Там же.
[162] См.: Там же.
[163] См.: Там же.

Мало того, др.-инд. языки, санскрит в частности, дают возможность этимологизировать один славянский этноним, который, в силу, казалось бы, очевидной его этимологической прозрачности, как-то остался в тени. Этот этноним – *словаки*.

Индославика этнонима *словаки*.

Данный этноним, как кажется, не представляет большой трудности для истолкования, а потому, видимо, не привлекает к себе внимания, как другие славянские этнонимы. Действительно, этноним *словаки* выглядит похожим на ***словѣне***, *славяне*, *словинцы*, *словенцы*. Следовательно, всё, что относится к этнонимам ***словѣне***, *славяне*, *словинцы*, *словенцы*, будет верным и для этнонима *словаки*. Именно так и поступает, например, М. Фасмер, который этноним *словак* slovák помещает в общую для всех славян статью “Славянин” своего словаря[164].

Видимо, данный этноним достаточно новый, так как автор ПВЛ словаков не упоминает, вернее будет сказать, что не упоминает словаков под этим этнонимом.

Есть вещи, которые можно назвать общеизвестными. Так, известно, что в VII в. предки словаков входили в состав державы Само, в VIII в. создали Нитранское княжество, которое в 833 г. стало частью государства – Великой Моравии. Не будет большой натяжкой сказать, что словаки – это моравы (мораване), или какая-то часть моравов. Именно в Великую Моравию была направлена миссия братьев Константина (Кирилла) и Мефодия. Моравы приняли новое учение, принесённое им святыми братьями из Солуни (Салоник).

Этноним *словаки* появляется именно после этого, во всяком случае нам этот этноним *до* этого неизвестен. *После того* не означает ещё *в результате того*. И тем не менее – это факт.

Сопоставим то, что этноним *словаки* этимологически связан с этнонимом *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне). А этот этноним мы связали с др.-инд. श्रावण *çrāvaṇa* и другими словами из этого же этимологического гнезда. Если всё это не случайные совпадения, то и для этнонима *словаки* должен существовать др.-инд. аналог.

И он есть: श्रावक *çrāvaka* **1.** Прислушивающийся к (-о) **2.** *m* .1) слушатель 2) ученик 3) последователь (*Будды или Джины*)[165]. Это даже более поразительное тождество славянского этнонима и др.-инд. термина, чем в случае с этнонимом *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) и श्रावण *çrāvaṇa*. Этноним *словаки* и термин श्रावक *çrāvaka* не просто состоят из одних, по сути, и тех же формантов (одинаковых корней и суффиксов), они и семантически тождественны: те, кто принял учение Христа – принял название *сло-*

---

[164] См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 3. С. 665.
[165] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 657.

ваки, те, кто принял учение Будды или Джины – принимал название श्रावक *çrāvaka*.

А этот факт даёт возможность иначе взглянуть и на происхождение и смысл этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне). Это не просто те кто знает *слово*, говорит понятно в отличие от других. Это те, кто знает *Слово*. *Слово* как Учение, *Слово* как религию, *Слово* как *Бога*.

Забегая вперёд отметим следующее. Текст начала Евангелия от Иоанна звучит так: Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово. Это церковнославянский вариант. Всякая попытка связать Бога-Слово с этнонимом славян – *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) – выглядит как недобросовестные разыскания невежественных людей. Действительно, ведь приведённый выше текст – перевод (или считается переводом) греческого оригинала (если это оригинал)[166], который звучит как Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος. Следовательно, речь идёт не о *Слове*, которое, в этом случае, можно было бы связать со славянами – *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), – а о Λόγος-е, а уж Логос (Λόγος), со всеми его десятками значений в греческом, конечно, не имеет ничего общего со славянским словом *слово*. Но это – если не брать во внимание индославику этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), а также не знать о том, как некоторые славянские этнонимы соотносятся с некоторыми и.-а., причём главными как для славян, так и для индийцев. Однако, мы забегаем вперёд. К этому вопросу мы ещё вернёмся.

Думается, что расшифровка этнонима словаки и сближение его с и.-а. श्रावक *çrāvaka* позволяет нам несколько под другим углом взглянуть и на этимологию этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), которая связывается со словом *слово* и необходимостью (о чём см. выше), по мнению О. Н. Трубачёва, производить этноним не от существительного *slovo (его основа *sloves-), а от глагола*slov-, *sluti «(понятно) говорить», так как в др.-русск. языке от этого корня были образованы слова со значениями «считаться», «называться», «славиться», и к этому же этимологическому гнезду относятся слова: *slava «слава, устная громкая молва»[167]. Другой угол зрения, предлагаемый нами, состоит в том, что в данном случае неважно, от существительного ли *slovo (его основа *sloves-) образован этноним *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), или от глагола*slov-, *sluti «(понятно) говорить», так как в др.-русск. языке от этого корня были образованы слова со значениями «считаться», «называться», «славиться», и к этому же этимологическому гнезду относятся слова: *slava «слава, устная громкая молва», но, в любом случае, от слова, связанного с поня-

---

[166] Попытки обосновать тезис о том, что греческие “оригиналы” евангельских текстов являются, на самом деле переводом с семитского (сирийского) языка см.: Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. // От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1994. С. 17 и сл.

[167] См.: Агеева Р. А. Страны и народы.

тием *Бог*, *прославление* (*религиозное*), то есть различение людей не только и не столько по принципу: говорят понятно, на нашем языке, иначе *словые*,– а различение по принципу: люди знающие *Бога*, люди нашей религии, *словые*.

Возражение, что этноним *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне), рождён ранее того, как славяне были приобщены к христианству, а потому не может быть объяснён в рамках религиозных парадигм, не может быть принят по тем основаниям, что перевод *Писания* на славянский язык опирался на религиозные воззрения славян и оперировал понятиями, рождёнными в недрах славянского (праславянского, общеславянского) языка.

Определение религиозных воззрений славян не является темой данного исследования, но очевидно, что у славян была религия, а попытки представить славян дикарями без религиозных воззрений, а лишь только в конце I тыс. н. э. узнавших впервые (и то со стороны) о религии – не основаны на фактических данных.

А теперь перейдём к прямому упоминанию славянского этнонима в Ригведе.

СВИДЕТЕЛЬСТВО “РИГВЕДЫ” О СЛАВЯНАХ

В настоящее время считается общепринятым, что приблизительно с середины II тыс. до н. э. в северо-западную Индию стали вторгаться некие племена, называвшие себя ариями (ārya)[168], (правильнее, очевидно – арьями и āрьями), то есть अर्य *aryá* **1.** 1) благородный 2) верный 3) дружественный **2.** *árya m.* представитель одной из трёх высших каст[169], आर्य *ārya* **1.** Благородный, достойный, досточтимый **2.** *m.* 1) арий 2)представитель одной из трёх высших каст 3) господин; *Voc.* आर्य ! о благородный!, о господин![170] Сюда же и आर्या āryā *f.* – то же, что и आर्य[171], то есть 1) благородная, достойная, досточтимая и т. д.

Эти племена, как отмечается, обладали “не только воинскими талантами, но и даром поэтического слова, в котором умели запечатлеть свой взгляд на мир – какой он есть и каким они хотели его видеть. И главным сокровищем этих племён стали гимны, лёгшие в основу будущего их собрания – РВ”[172].

Само слово Ригведа ऋग्वेद ṛgveda состоит из слов वेद *véda m.* 1) знание 2) священное знание[173], (и только, как говорится, ленивый не указывал на исконнородственную связь этого слова со славянским *ведать* и т. п.) и ऋच् *ṛ'c* блеск, сияние 2) священная песня, гимн 3) *pl.* собрание стихотворных гимнов[174]. Нетрудно заметить исконнородственность санскритского *ṛ'c* (то есть *ричь*) и русского *речь*. Сюда же ऋक्व ṛkva поющий, ликующий[175].

Любопытно отметить ещё одну закономерную взаимосвязь славянских и индоарийских слов на тему слов со значеним *речи, слов*. Так, русскому *речь, реку* соответствует по звуковому составу понятие движущейся, а потому и говорящей воды – *река*. В санскрите мы имеем глагол ऋष् *ṛṣ* течь, струиться[176] и существительное ऋषि *ṛ'ṣi* 1) певец священных гимнов 2) автор священных гимнов 3) риши, мудрец 4) отшельник 5) семь звёзд *Большой Медведицы*[177].

Абсолютная хронология Ригведы нам неизвестна, но принято считать, что она сложилась в период с XV по VI вв. до н. э.[178]

Есть и другие точки зрения. Так, Г. Якоби[179] относил создание Ригведы к 4500 – 2500 гг. до н. э., а Б. Тилак[180] – к 6000 – 4000 гг. до н. э. (и среди ин-

---

[168] См.: Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV.М., 1989. С.426.
[169] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С.72.
[170] См.: Там же. С. 99.
[171] См.: Там же. С. 100.
[172] Елизаренкова Т. Я. Там же.
[173] См.: Кочергина В. А. Там же. С. 619.
[174] См.: Там же. С. 135.
[175] См.: Там же. С. 134.
[176] См.: Там же. С. 136.
[177] См.: Там же.
[178] См.: Елизаренкова Т. Я. Цит. раб. С. 435.
[179] См.: Jakobi H. Über das Alter des Rigveda // Festgruss an Roth. Stuttgart, 1983. S. 72.

дийских учёных немало сторонников именно этой точки зрения); другие намного уменьшают древность Ригведы (Р. Пишель, К Гельднер, А Хиллебрандт)[181].

Для целей нашего исследования время создания Ригведы не имеет принципиальное значение, но в любом случае в ней отражены реалии не только современные авторам памятника, но и более древние.

В гимне 17-ом II-ой мандалы Ригведы, обращённом к Индре, упоминается персонаж по имени *Криви*. Т. Я. Елизаренкова поясняет, что "*Криви* (*krívi*-). – Nom. pr. Змеевидного демона, побеждённого Индрой; в более поздний период название народа, тотемом которого мог считаться Криви"[182].

Первое, что приходит в голову – то, что это имя ригведийского персонажа сходно (тождественно?) имени персонажа из славянской мифологии. Так, мы знаем об имени-эпониме славян-кривичей – это Кривъ. Имя Крива традиционно этимологизируют из славянского *кривой*. В. В. Иванов и в. Н. Топоров полагают, что родоначальник племени кривичей (у Константина Багрянородного, Κωνσταντίνος Z' ο Πορφυρογέννητος – Κριβιτσηνοι) именем связан с обозначением кривого и левого (при греч. Лаий Λάϊος, то есть *левый*), а так же с литовским наименованием верховного жреца *Криве*[183]. Отметим, что кроме восточно-европейских кривичей известны кривичи острова Пелопоннесс (под именем Κρίβησκαν в греческом сочинении XIV в. "Хроника Мореи").

Эту же этимологию приводит и М. Фасмер, указывая, что этноним **кривичи** (ср.-гр. Κριβιτζοί, Κριβιτσηνοί) производен от имени родоначальника племени **Кривъ*, а оно – от слова *кривой*[184]. Отсюда уже русофобская, якобы народная, этимология: не *кри'вичи*, а *криви'ч* «неискренний, фальшивый человек».[185]

Этимологию *кривичи* – от *кривой* пытаются представить и как кривой не в смысле «неискренний, фальшивый человек», *левый* (то есть *неправый*), а как житель *кривой*, то есть *холмистой* земли.

Надо ли удивляться, что существует и норманнская трактовка этнонима – от др.-исл. Hreiðgotum, связанное с англос. Hrǽdas «готы», др.-исл. Hreiðr «гнездо», "согласно Хольтхаузену"[186]. Но даже такой норманист, как М. Фасмер, считает, что это сближение – "совершенно нелепо"[187].

Трудно переоценить значение племенного названия – *кривичи* для целей нашего исследования. Так, в лит. krievas, в латыш. krievs означает *русские*[188].

---

[180] См.: Tilak B. G. The Origin or Researches into the Antiquity of the Vedas. Bombay, 1893. S. 206.
[181] См.: Елизаренкова Т. Я. Цит раб. С. 436.
[182] Елизаренкова Т. Я. Примечания // Ригведа. С. 674.
[183] См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Крив // Мифы народов мира. В 2-х тт. М., 1988. Т. 2. С. 14.
[184] См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 2. С. 377.
[185] См.: Там же.
[186] См.: Там же. С. 376.
[187] См.: Там же.
[188] См.: Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. С. 263.

Тот факт, что славяне, а именно кривичи и их эпоним Криви, известны по Ригведе как *змееподобный демон*, не должен нас смущать. Так, мы знаем о персонажах по имени *Данава*. Это दानव *dānava m. pl. metr. демоны-великаны, сыновья Дану и мудреца Кашьяпы, враги богов*[189]. Несмотря на схожесть слова *Данава* दानव *dānava* со словом दानवन्त् *d'ānavant* щедрый[190], имя этих демонов, производное от दनु *danu f. nom. Pr. мать Данавов*[191], традиционно связывают с водой[192], то есть с दानु II *d'ānu f.* 1) капля 2) роса[193] при с दानु I *d'ānu m., f.* род демонов[194].

Возможно, что имя демонов-данавов связано с водой и щедростью (филологически) так же, как и имя бога Шивы (им. пад. – Щивá в санскр.), – शिव *çivá* **1.** 1) дружественный 2) добрый 3) благосклонный 4) целебный **2.** *m.* 1) *nom. pr. Бог – разрушитель мира, один из трёх главных богов. Входящих в индуистскую божественную триаду* 2) *назв. шестого месяца индийского календаря* <…> **3.** *n.* 1) *благо, счастье* 2) *вода* 3) *то, что приносит счастье*[195].

Кроме того, *шива* – один из народов, упоминаемых в Ригведе.

Шестой месяц индийского календаря, то есть शिव *çivá*, носит ещё одно название – भाद्रपद *bhādra-pada, иначе* भाद्र *bhādra*[196], где भाद्र *bhādra* можно соотнести с भद्र *bhadrá n. благо, счасте; удача*[197]. То есть, очевидно, что мы имеем дело с парой: счастье, удача и т. п. – вода, влага и т. п. При этом месяц शिव *çivá*, или भाद्रपद *bhādra-pada, иначе* भाद्र *bhādra* следует сразу же за месяцем по имени श्रावण *çrāvaṇa* **II 2.** *m. назв. пятого месяца индийского календаря; соотв. июлю – августу*, а эти два месяца сотавляют так называемый период дождей.

Период дождей именуется словом варша (варшá на санскр.) Важно, что это слово обозначает: дождь, период дождей и …страна, – वर्ष *varṣá* **1.** поливающий дождём 2. *m.* 1) *дождь* 2) *pl.* период дождей 3) год 4) (-○) страна.[198] При этом слово, от которого производно слово वर्ष *varṣá*, так же, как и शिव *çivá* и भाद्र *bhādra* при भद्र *bhadrá n. благо, счасте; удача*, связано с благом, удачей, дарами – वर्ष् *varṣ* 1) идти – о дожде 2) осыпать дарами[199].
Любопытно отметить, что в индуизме существует ещё и भद्र *bhadra* – богиня охоты в индуизме, одна из спутниц Шивы, и भद्र *bhadra* – река в штате Карнатака в Индии (ಭದ್ರಾ ನದಿ на языке каннада).

Итак, мы видим, что Ригведа знает демонов *Данавов* दानव *dānava*, имя которых связано с водой, а В. Н. Топоров отмечает, что *Данавы* “имеют мно-

---

[189] См.: Там же. С. 265.
[190] См.: Там же.
[191] См.: Там же. С. 259.
[192] См.: Топоров В. Н. Данавы // Мифы народов мира. Т. 1. С. 349.
[193] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 265.
[194] См.: Там же.
[195] См.: Там же. С. 646.
[196] См.: Там же. С. 479.
[197] См.: Там же. С. 475.
[198] См.: Там же. С. 568.
[199] См.: Там же.

гочисленные типологические параллели (мотив семи потоков – детей вредоносной матери). Ср. так же отражение этого мотива в названиях мифологизированных рек и во второй части имени Посейдона”[200].

Первое же, что приходит на ум при упоминании *Данавов* दानव *dānava* – это схожесть имени с этнонимом, известным по истории Троянской войны, – данайцами (гр. Δαναοί). Этноним данайцы (гр. Δαναοί) традиционно связывается с именем мифическими персонажами – Данаем (гр. Δαναός) и его дочерью Данаей (гр. Δανάη); имя последней связывается с именем некоего божества *da-nwa* в микенских текстах[201]. Этноним известен по египетским надписям, начиная с середины XV в. до н. э.[202]

Таким образом, древние греки, а именно этот племенной этноним применялся как обобщающий для всей массы древнегреческих племён, может упоминаться в Ригведе как класс демонов. Данный этноним может, предположительно, иметь *речное* происхождение – как память о реке Дунай. Перейти на Балканы из, предположительно, Северного Причерноморья, предки греков могли именно через Дунай и именно это могло отразиться в этнониме Δαναοί.

Конечно, под именем *Данавов* दानव *dānava* могут скрываться и не данайцы (гр. Δαναοί), а известный по Авесте народ дану (некое туранское племя – *тура*, а сам Заратуштра, сын Поурушаспы, из рода Спитамы, был, по происхождению, как известно, *тура* – враждебное иранцам и, как предполагают, имя какой-то реки, например Дона или др.).

Здесь не рассматривается возможность отражения в Ригведе *речного* имени славянского племени *дунаевцы*, хотя достойно быть отмеченным то, что и этот этноним – *речного* происхождения. В любом случае, мы видим, что тот или иной народ демонизируется.

То есть, демонизация иноплеменников – дело вполне обыденное для рассматриваемой нами эпохи. Поэтому и демонизация народа क्रिवि *krívi m*. не должна нас особенно смущать.

Итак, нам известно по Ригведе имя क्रिवि *krívi m*.[203] и п ПВЛ – имя *Кривъ*. Производные от них этнонимы: क्रिवि *krívi m*. и *кривичи*. Единственнное возражение против отождествления этих слов: эпонима и этнонима, – то, что народ क्रिवि *krívi* – древний, а славяне – недревний, поэтому созвучие имён – случайное.

Получается, что славян ранее VI в. н. э. не может быть, потому что о них не упоминают древние источники, а упоминания в древних источниках не могут относиться к славянам потому, что славян в то время не было. Потому что о них не упоминается… Это – блестящий пример риторической тавтологии: *этого не может быть, потому что этого не может быть никогда*.

---

[200] Топоров В. Н. Там же.
[201] См.: Предметно-понятийный словарь греческого языка. Микенский период. Л., 1986. С.141..
[202] Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С.159.
[203] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 177.

Но свидетельство о славянах в Ригведе – это как раз тот случай, о котором древние говорили: contra factum non datum argumentum (против факта нет доказательств).

Но, допустим, будет признано, что персонаж по имени *Криви* क्रिवि *krívi m*. Ригведы – это именно Кривъ русских летописей, а народ *Криви* क्रिवि *krívi m*. – кривичи. Но это нисколько не убедит сторонников точки зрения, что славяне – народ, относительно молодой, сторонников *методических ограничений с определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самоназвания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности*. Действительно, даже если именно кривичи с их первопредком Кривомъ и отражены в Ригведе под именем *Криви* क्रिवि *krívi m*., то к славянам, вернее, ко всем славянам, это не имеет, де, никакое отношение, так как, всё-таки, Ригведа знает именно этноним *Криви* क्रिवि *krívi m*., а не этноним *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) в форме श्रावण *çrāvaṇa* (именно как этноним, а не как название месяца календаря).

Тем не менее, в Ригведе, что бы там ни возражали, мы имеем один из первых фактов фиксации славянских этнонимов.

Мало того, именно данные Ригведы, а шире – и.-а. реальности, помогают раскрыть этимологию этнонима *кривичи*, который, как представляется, всё же связан не с *кривизной, неискрестностью, неправедностью*.

Для этого прочтём о *Криви* क्रिवि *krívi m*. в первоисточнике:

> 6 Она подходит ему для рук – (та,) которую сделал отец
> Из всех пород по (своему) разумению,
> Ваджра громкогласная, силой которой он убил (и) поверг долу
> Криви, чтобы тот лежал на земле[204].

Понимание Ригведы, трактовки того, что в ней говориться – проблема громадной величины. Так, Т. Я. Елизаренкова отмечает: “Текст Ригведы труден для понимания по разным причинам. И дело тут не только в огромном разрыве в пространственно-временной сфере и в культурной традиции между современным читателем (и исследователем) и эпохой создания Ригведы. Текст этого памятника или, лучше сказать, целой антологии ранневедийской словесности, во многих случаях был непонятен и первым его слушателям, а затем и хранителям и исполнителям гимнов”[205]. Нетрудно предположить, что всё это в полной мере относится и к пониманию образа Криви.

Великий русский исследователь мифов А. Н. Афанасьев отмечал, что богатым и можно сказать – единственным источником мифа является живое человеческое слово, с его метафоричностью и созвучностью в выражениях[206].

---

[204] Ригвведа. Мандалы I – IV. С. 255.
[205] Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало. С. 540.
[206] См.: Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. В 3-х т. СПб., 2002. Т. 1. С. 15.

Он правильно указывал, что различные предметы и явления окружающего нас мира могут быть сходны некоторыми своими признаками, производить на чувства одинаковое или сходное впечатление, а потому сближаться и называться людьми словами, производными от одного корня.[207] При этом каждое явление природы могло изображаться в формах чрезвычайно разнообразных, но все они не являлись предметом безудержной и беспочвенной фантазии, а брались из проявлений могучих природных стихий; со временем мифы стали пониматься буквально[208].

В связи с мифом о борьбе бога-громовника (Индры) с неким Криви (क्रिवि *krívi m.*), более чем любопытно отметить славянские и арийские параллели, отмеченные А. Н. Афанасьевым: “Заклинатель обращается к спасительной помощи Перуна как воинственного бога, владеющего несокрушимым оружием; чёрная ***туча-змей*** [выделено нами. – В. К.], окованная зимним холодом, прячет Перунову богатырскую сбрую (= молниеносную палицу), замыкает её в неприступных кладовых накрепко, и только один вещий ворон может разбить своим носом медный дворец, заклевать змея, отомкнуть кладовые и достать меч-кладенец, т. е. вместе с весной, приносящей живую воду дождей, является и быстролётная молния, поражающая тучи”[209].

Нетрудно заметить типологическое сходство мифа о поражении *Криви* क्रिवि *krívi m.* ваджрой Индры и борьбой Перуна со змеем-тучей. Предположение, что *Криви* क्रिवि *krívi m.* (змееподобный ли демон, или кто-то другой в этом образе) – это туча (облако), представляется единственно правильным.

И действительно, именно так оно и есть на самом деле: “क्रिवि *krívi m.* 1) *pl. назв. народа* 2) кожаный мешок (*для воды*) 3) *перен.* облако, туча 4) родник, источник”[210]. Казалось бы, что может добавить нашему исследованию факт, что *Криви* क्रिवि *krívi m.*, понимаемый как змееподобный демон, оказался на поверку (или стал таковым со временем) не только именем народа, но и обозначением облака, тучи, родника, источника?

Оказывается, это имеет кардинальное значение и именно в свете нашего исследования.

Так, синонимом слова क्रिवि *krívi m.* в значении родник, источник является слово नाभ् *nābh f.* 1) отверстие; щель 2) источник; ключ[211]. Оно, как нетрудно заметить, отглагольное существительное от слова नभ् *nabh* 1) трескаться; лопаться 2) погибать[212], откуда и नभ *nabha m.* – то же, что नभस् *nábhas n.* 1) облака 2) воздушное пространство; атмосфера 3) небо 4) *назв. одного из месяцев периода дождей* 5) *du.* небо и земля, оба мира[213], сюда же नभस *nabhasá* **1.** наполненный парами, испарениями **2.** *m.* 1) небо 2) воздушное

---

[207] См.: Там же. С. 17.
[208] См.: Там же. С. 22 – 23.
[209] Там же. С. 566-567.
[210] Кочергина В. А. Цит. раб. С. 177.
[211] Там же. С. 321.
[212] См.: Там же. С. 314.
[213] См.: Там же.

пространство 3) период дождей 4) море[214]. Излишне будет напоминать, что नभ *nabha m.* в значении “небо” является исконнородственным русскому *небо*, नभस *nabhasá* – слову *небеса*.

Слово नभस् *nábhas n.* в значении *назв. одного из месяцев периода дождей* имеет ещё форму नभस्य *nabhasya m.*[215]

Остаётся только узнать, какой именно месяц периода дождей носит название नभस् *nábhas n.*/नभस्य *nabhasya m.* И вряд ли нас удивит, что नभस् *nábhas n.* – это другое название месяца… श्रावण *çrāvaṇa*[216].

Получается, что исконнородственное этнониму *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) название месяца श्रावण *çrāvaṇa m.* имеет иное название (синоним) नभस् *nábhas n.*/ नभस्य *nabhasya m.*, а नभस् *nábhas n.* – имеет значение *облака*, то есть является синонимом слова क्रिवि *krívi m.* в значении *облако*. То есть क्रिवि *krívi m.* облако – это синоним слова श्रावण *çrāvaṇa m.* (через синонимичное नभस् *nábhas n.*), исконнородственное этнониму *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне). А ещё क्रिवि *krívi* имеет значение *родник, источник*, синонимичное слову नाभ् *nābh f. источник; ключ,* а оно как мы видели, синонимично названию месяца дождей – नभस् *nábhas n.*/नभस्य *nabhasya m.*, со значением ещё и облако, как и क्रिवि *krívi*.

Мало того, мы ещё находим слово नाभस *nābhasa* небесный, идущий с неба (*о голосе*)[217], что, со всеми необходимыми оговорками, можно сопоставить со словом *слово*.

Получается, что если क्रिवि *krívi m.* – это синоним श्रावण *çrāvaṇa m.*, то и этноним кривичи – синоним этнонима *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне). Это не должно удивлять. Известно, что ильменские славяне имели два этнонима: словѣне и ильмене.

Несмотря на свидетельство автора ПВЛ, что словѣне получили этноним ильмене по имени озера Ильмень, это вряд ли верно. В этом вопросе мы соглашаемся с С. А. Гедеоновым: “К варяжскому [то есть славянскому южнобалтийскому. – В. К.] влиянию отношу я и форму *Ильмень* вместо древнерусской *Илмер* (Halvyris?); *Ильменью* называлась одна из рек, протекавших по Вендской земле: «Inter fluvios Salam, et Unstrod et *Ilmena*» var. Ilmina <…>”[218]. Получается, что не словѣне получили этноним *ильмене* от озера с именем *Илмер*, а озеро – от *ильменей* – этноним которых производен от имени реки *Ильмень*.

Но тем не менее, происхождение самого слова: и.-а. क्रिवि *krívi m.,* слав. Кривъ, – остаётся, по нашему мнению, неэтимологизированным, так как объяснение Кривъ из *кривой* нами признано недостовереым. Думается, учитывая значение и.-а. क्रिवि *krívi m.*: облако; родник, источник; ёмкость для жидкости,

---

[214] См.: Там же.
[215] См.: Там же.
[216] См.: Эрман В. Г. Примечания // Калидаса. Род Рагху. СПб., 1996. С. 332.
[217] См.: Кочергина В. А. Цит. раб. С. 322.
[218] Гедеонов С. А. Варяги и Русь. В 2-х частях. М., 2004. С. 259.

– можно предложить другую этимологию: слав. Кривъ производно от и.-е. корня *(s)krei- ‘кружить, носиться кругами, летать, парить’[219], откуда праслав. *kri- (с суффиксальным -dlo оно дало сдлово *kridlo, совр. русск. *крыло*)[220]. Подобно тому, как парящее облако क्रिवि *krívi m* .имеет значение *родник, источник*, а также и *кожаный мех для воды*, так же и в славянсих языках этот корень – *kri- – связан с лексикой, опосредующей понятия *родник, источник*, а также и *сосуд* – это *krina/*krinъ, далее *krinica ‘родник, колодец’[221].

Всё это позволяет сделать вывод: древнейший индоарийский памятник – Ригведа – знает славянский этноним кривичи в форме क्रिवि *krívi*, а этот этноним можно считать синонимом слова श्रावण *çrāvaṇa m*., исконнородственное этнониму *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне).

[219] См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12. С. 153.
[220] См.: Там же.
[221] См.: Там же. С. 156 – 157.

СОПОСТАВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОНИМОВ С ИНДОАРИЙСКОЙ ЛЕКСИКОЙ (ИНДОСЛАВИКА СЛАВЯНСКИХ ЭТНОНИМОВ)

Итак, мы можем коротко свести здесь некоторые славянские этнонимы, сопоставив их с ведийскими и санскритскими терминами.

СЛАВЯНЕ. Этот этноним – то есть *славяне* (праслав. *slověninъ, мн. *slověne, ст.-сл. словѣне) сближается с названием одного из месяцев индийского календаря – श्रावण *çrāvaṇa m*.

СЛОВАКИ. Этот этноним сближается со словом श्रावक *çrāvaka* **1.** Прислушивающийся к (-о) **2.** *m* .1) слушатель 2) ученик 3) последователь (*Будды или Джины*).

СЕРБЫ. Этот этноним сближается со словом सर्ब् sarb идти, двигаться. Сюда же ещё и शर्ब् *çarb* 1) идти. Значения этого слова 2) ранить 3) вредить 4) убивать и дали основание А. А. Потебне (правильно или ошибочно – другой вопрос) отождествить этот этноним со словом सर्भ् *sarbh* бить, убивать, уничтожать.

КРИВИЧИ. Этот этноним сближается со словом “क्रिवि *krívi m*. 1) *pl. назв. народа* 2) кожаный мешок (*для воды*) 3) *перен.* облако, туча 4) родник, источник,” а также и с персонажем Ригведы по имени क्रिवि *krívi* = слав. Кривъ.

ПОЛЯНЕ. Этот этноним сближается со словом पुलिन *n.* 1) *геол.* аллювий; наносные образования 2) низкий песчаный берег 3) отмель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый нами анализ показал: самоограничительная установка, проповедуемая некоторыми историками, состоящая в том, что категорически невозможно, так как это обречено на неудачу, искать славянские древности ранее первой половины I тыс. н. э., потому что именно в это время фиксируются первые упоминания о славянах под их собственным именем, а только самоназвание является определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самоназвания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности, – не выдерживает научной критики и сразу по нескольким параметрам.

Так, не является общепринятым в науке признание самоназвания определённым, эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самоназвания, без которого невозможно существование сложившейся этнической общности. Тем более, это не является единственным признаком существование сложившейся этнической общности.

Ненаучным, даже антинаучным, является возведение этого принципа в абсолют с запретом всяких исследований древности любого народа, если нам неизвестно, по тем или иным причинам самоназвание народа. Такое самоограничение является запретом на исследования, ведёт к омертвлению науки.

Но даже и принятие этого принципа (по типу доказательства от противного) не может быть о снованием для отказа, так сказать, в признании древности славян, большей, чем середина I тыс. н. э., так как проведённый нами анализ показал: славяне известны, по данным Ригведы, под собственным самоназванием с того периода, к которому относится древность самой Ригведы.

Ценность Ригведы, самой по себе, неоспорима и непреходяща и для нас особенно важно, что именно с этим великим памятником связано одно из древнейших свидетельств о славянах.

© 27.11.2014 Владислав Кондратьев
© Copyright: Владислав Кондратьев
© Copyright: Владислав Олегович Кондратьев, 2014
Свидетельство о публикации №214112702277
© Copyright: Владислав Олегович Кондратьев, 2016
Свидетельство о публикации №116070905405